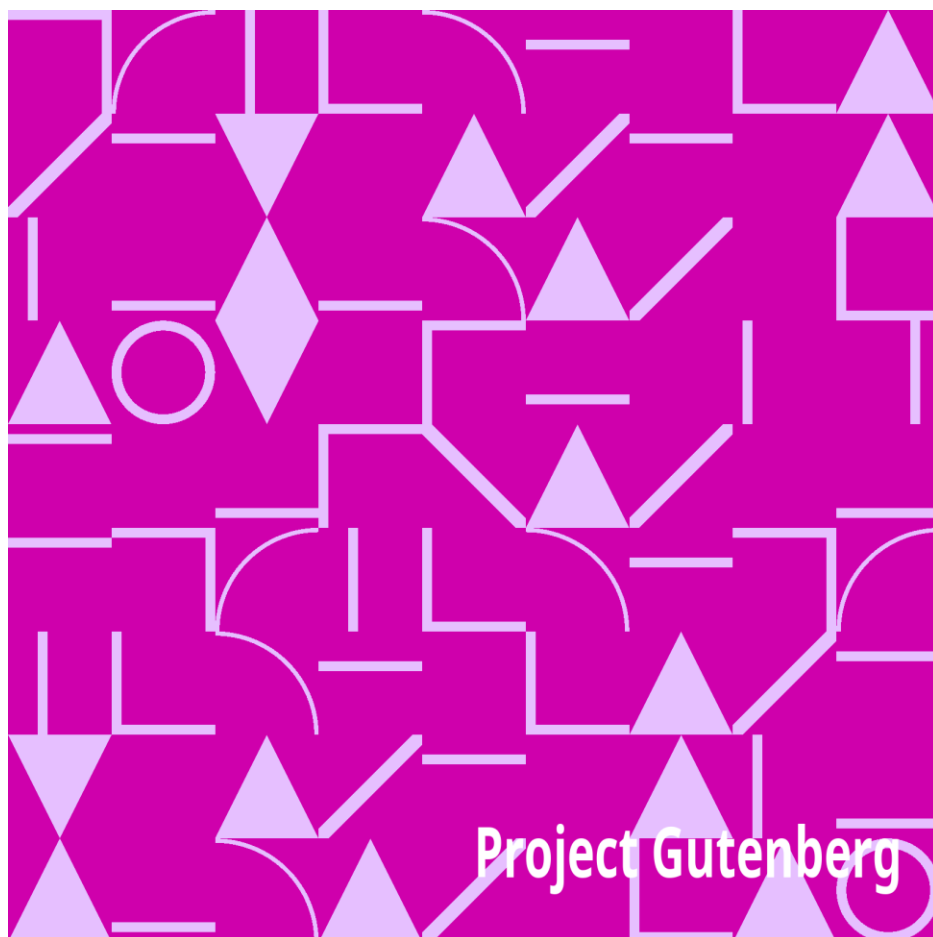

Государственные земли и аграрные законы Римской республики

Эндрю Стивенсон

Public Lands and Agrarian Laws of the Roman Republic

Andrew Stephenson

The Project Gutenberg eBook of Public Lands and Agrarian Laws of the Roman Republic.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Общественные земли и аграрные законы Римской республики

Автор: Эндрю Стивенсон

Дата выхода: 1 июня 2004 [eBook #12638]

Последнее обновление: 15 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Джульет Сазерленд, Лесли Халамек и PG Distributed Proofreaders

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK PUBLIC LANDS AND AGRARIAN LAWS OF THE ROMAN REPUBLIC ***

ИССЛЕДОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА ДЖОНСА ХОПКИНСА ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕРБЕРТ Б. АДАМС, редактор

История - прошлое Политика и политика - настоящее История - Фримен

ДЕВЯТАЯ СЕРИЯ

VII-VIII

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ И АГРАРНЫЕ ЗАКОНЫ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЭНДРЮ СТИВЕНСОН, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ.

Профессор истории, Уэслианский университет

БАЛТИМОР
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЖОНСА ХОПКИНСА
ИЮЛЬ-АВГУСТ, 1891

Copyright, 1891, BY THE JOHNS HOPKINS PRESS.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

На следующих страницах я попытался проследить историю римских владений с древнейших времен до основания империи. План работы состоит в том, чтобы обрисовать происхождение и рост идеи частной собственности на землю, расширение *ager publicus* за счет завоевания соседних территорий и ее поглощение путем продажи, дарения народу и создания колоний, пока она полностью не сольется с частной собственностью. Это неизбежно влечет за собой историю аграрного законодательства, поскольку раздача земель и создание колоний осуществлялись только в соответствии с ранее принятыми законами.

Причина, по которой я взялся за такую работу, как эта, заключается в том, что аграрные движения в большей или меньшей степени повлияли на каждый пункт римской конституционной истории, и правильное знание первых необходимо для справедливого толкования вторых.

Весь этот вопрос представляет собой множество неясностей, перед которыми не раз приходилось колебаться; он предлагает, как в целом, так и в деталях, трудности, которые я, по крайней мере, искренне старался уменьшить. Эти неясности и трудности, возникающие отчасти из-за недостаточности исторических свидетельств, а отчасти из-за противоречивых высказываний старых историков, признаются всеми авторами и не вызывают у меня никаких претензий на снисхождение.

Эта монография задумывалась лишь как глава истории общественных земель и аграрных законов Рима, написанная с целью будущего сравнения с более поздними аграрными движениями в Англии и Америке.

ЭНДРЮ СТИВЕНСОН.

МЛДЛЕТОУН, КОНН.
8 мая 1891 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

- Раздел 1. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
- Раздел 2. КВИРИТСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
- Раздел 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ
- Раздел 4. РИМСКИЕ КОЛОНИИ

ГЛАВА II.

- Секция 5. ЛЕКС КАССИЯ
- Раздел 6. АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 486 И 367 ГОДАМИ
 - (a) Расширение территории путем завоевания до 367 года до н.э.
 - (b) Основание колоний в период с 454 по 367 гг.
- Раздел 7. ЛЕКС ЛИЦИНИЯ
- Раздел 8. АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 367 И 133 ГОДАМИ
 - (a) Расширение территории путем завоевания в период с 367 по 133 гг.
 - (b) Основание колоний между 367 и 133 гг.
- Раздел 9. ЛАТИФУНДИЯ
- Раздел 10. ВЛИЯНИЕ РАБСТВА
- Раздел 11. LEX SEMPRONIA TIBERIANA
- Раздел 12. LEX SEMPRONIA GAIANA

ГЛАВА III.

- Раздел 13. LEX THORIA
- Раздел 14. АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 111 И 86 ГОДАМИ
- Раздел 15. ПОСЛЕДСТВИЯ СУЛЛАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
- Раздел 16. АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 86 И 59 ГОДАМИ
- Раздел 17. LEX JULIA AGRARIA
- Раздел 18. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
МЕЖДУ СЕЗАРОМ И ПОМПЕЕМ
- Раздел 19. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ
ДО ПРАВЛЕНИЯ АВГУСТА
 - (a) Lex Agraria Луция Антония
 - (b) Lex de Colonis in Agros Deducendis
 - (c) Второй триумвират

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ И АГРАРНЫЕ ЗАКОНЫ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

ГЛАВА I.

СЕК. 1. - ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Римляне были народом, который изначально уделял почти исключительное внимание земледелию и скотоводству. Об этом свидетельствуют фамилии самых известных семейств, таких как Пизо (мельник), Порций (свиновод), Лактуций (латук), Столо (побег) и т. д. Сказать, что человек был хорошим земледельцем, означало в свое время воздать ему высшую похвалу.[1] Этот характер, соединенный с духом порядка и частной скупости, который в заметной степени отличал римлян, способствовал развитию среди них гражданского права, которое является, возможно, самым замечательным памятником, который оставила нам античность. Этот гражданский кодекс стал основой права европейских народов и рекомендует цивилизацию Рима к почитанию человечеством.

Краеугольным камнем этого законодательства была конституция права собственности.[2] Это право собственности распространяется на все в римском праве, на землю, на лица и на обязательства.

Название деревни *Urbs*, согласно этимологии Варро, берет свое начало[3] от борозды, которую плуг прочертил вокруг жилища первых обитателей. Но для нас более интересным является то, что юридическое значение слов *Urbs* и *Roma* было различным. В первом случае речь шла о деревне, расположенной внутри священной ограды; во втором - об общем скоплении жилищ, состоящем из деревни, как ее правильно называли, и окраин, или

пригородов. Полномочия некоторых магистратов прекращались вместе со священными пределами урбов, в то время как привилегии, предоставляемые гражданину Рима, распространялись на деревню и пригороды и, наконец, охватывали весь римский мир.

Древнейшие документы, дошедшие до нас из истории Индии и Египта, свидетельствуют о том, что у них была полностью установлена земельная собственность, в то время как римские анналы открывают нам само создание этого института. Какие бы выводы ни делала современная критика, Дионисий, Плутарх, Ливий и Цицерон сходятся во мнении, что первый царь Рима всего лишь основал общественную собственность на римской земле. Этой государственной собственностью народ владел сообща, а не по отдельности. Такая собственность представляется нам квиритской собственностью *par excellence*[5], а ее первобытная форма была разновидностью общественной общины[6], индивидуальная собственность которой была лишь более поздней торжественной эмансипацией. С этой исторической теорией связано истинное понятие квиритской земли, о которой мы будем говорить более подробно далее.

Что касается организации и конституирования индивидуальной и частной собственности, то традиции приписывают это второму царю Рима, настоящему основателю римского общества, который разделил территорию между гражданами, обозначив границы индивидуальных долей и поставив их под защиту религии. Таким образом, институтам частной собственности была дана религиозная хартия. Таким образом, в основе этих разнообразных традиций, по-видимому, лежало примитивное деление территории, но точная форма этого деления от нас ускользает.

В течение многих веков римская территория была ограничена весьма ограниченной площадью, которая правильно называлась *Ager Romanus*. Это название с несколько измененным значением, по-видимому, все еще использовалось во времена империи, и даже в настоящее время часть римской территории, которая очень близко соответствует древней территории имперского периода, называется *Agro Romano*. [7] Та часть, которую правильно называть *Ager Romanus*, сначала занимала лишь поверхность слегка расширенной дуги, чьей дугой была река Тибр. [8] Первобытный Рим не выходил за Тибр в Этрурию, а в Лациуме его владения не выходили за пределы каких-то пяти или шести миль, считая от Палатина. На востоке в непосредственной близости находились города Антемны, Фидены, Каенины, Коллатии и Габии, что ограничивало распространение города в этом направлении радиусом в пять-шесть миль; [9] а на севере предел составлял Анио [10]. На юго-западе, по мере приближения к Лавиниуму, шестая вежа обозначала границу Рима. Таким образом, за исключением небольшой полосы земли, простирающейся по обоим берегам Тибра до его устья и охватывающей старое место [11] Остии, мы выделили весь древний Рим. Страбон [12] говорит, что его можно обойти за один день. По словам того же автора, именно в этих пределах можно было совершать ежегодные обряды эгиды [13].

И город, и земля со временем увеличивались. Имущество, казалось, последовательно прибавлялось и убавлялось во время правления царей. [14] Последнее увеличение *Ager Romanus* произошло благодаря трудам Сервия Туллия, и именно в правление этого царя оно достигло своего наибольшего предела. Дионисий [15] говорит: "Как только он (Сервий) получил власть, он разделил общественные земли между теми римлянами, которые, не имея собственных земель, обрабатывали чужие..... Он добавил к городу два холма, которые называются Виминал и Эсквилин, каждый из которых образует значительный город; их он разделил между теми римлянами, у которых не было домов, с тем чтобы они могли их построить..... Этот царь был последним, кто увеличил окружность города, добавив эти два холма к остальным пяти, предварительно посоветовавшись с покровителями, как того

требовал закон, и совершив другие религиозные обряды. Дальше этого город с тех пор не расширялся". Несомненно, эти владения получили значительные дополнения в более поздние времена,[16] но они не были включены в *Ager Romanus*, как предыдущие. Покоренные территории сохраняли свои древние названия, а их земли становились объектом раздач народу, публичных продаж гражданам, которые также расширяли свои владения за пределами римской[17] территории, или же новые завоевания отходили к муниципиям, становились колониями или входили в состав того, что называлось *Ager Publicus*. В общем, основополагающим принципом римского публичного права было то, что земли и люди завоеванных народов принадлежали завоевателю, римскому народу, который либо лично, либо через своих делегатов распоряжался ими так, как считал нужным. У древних война всегда решала вопросы как свободы, так и собственности.

Результатом всех этих фактов стало то, что римская территория стала объектом раздела или примитивного распределения либо между тремя расами первого населения, либо немного позже между гражданами или жителями. Этот же принцип часто наблюдался в последнее время в отношении конфискованных[18] территорий и завоеванных народов.

Каким же было первое распределение земли?

По этому вопросу древние авторитеты слепы и запутаны настолько, что совершенно не подходят для решения этой проблемы. Среди более поздних авторитетов существуют две противоположные системы, одна из которых представлена Монтескье, а другая - Нибуrom.

(1) Согласно Монтескье, римские цари разделили землю на совершенно равные участки для всех граждан, и название закона Двенадцати таблиц о престолонаследии было сделано не для того, чтобы установить это древнее равенство в разделе земли[19].

(2) Нибур,[20] напротив, утверждал, что территориальная собственность изначально была атрибутом патрициата и каждый, кто не принадлежал к этой знатной расе, не мог владеть какой-либо частью территории. Из этой теории автор вывел множество следствий, важных как для права, так и для истории.

Ни одна из этих систем не свободна от ошибок. Монтескье, похоже, не делал различия между патрицием и плебеем, используя термин "*гражданин*", в то время как уже не оспаривается, что плебей не является бюргерством и, следовательно, не имеет никаких гражданских прав, кроме тех, которые ему предоставляет правящий класс. Его идея о благах, по крайней мере, должна была стать химерической в очень ранний период, так как это равенство настолько мало подозревалось древними, что Плутарх,[21] рассказав об усилиях Ликурга преодолеть неравенство богатства среди спартанцев, обвиняет Нуму в том, что он пренебрег столь важной необходимостью. Кроме того, трудно понять, как Монтескье мог думать, что завещательное распоряжение способствует сохранению равенства, когда каждому гражданину предоставлялась привилегия распоряжаться всем своим достоянием по завещанию даже в ущерб своим детям.[22] Опять же, долговое право вряд ли благоприятствовало[23] равенству.

Нибур однозначно[24] отрицал существование плебса до тех пор, пока Анкус не включил в него латинов и не наделил их особыми привилегиями, образовав тем самым новый, третий класс, отличный как от патрициев, так и от клиентов. Если бы Нибуру удалось обосновать эту точку зрения, то право на земельную собственность, по-видимому, полностью принадлежало бы патрициям, поскольку клиент, в силу самой природы своего положения, не мог ничем владеть независимо от своего господина. Но эта теория потерпела крах, и ни один

современный писатель не претендует на ее поддержку. Плебеи существовали с самого начала, и некоторые из них владели землей в полной частной собственности, мало чем отличавшейся от квирильской собственности патрициев. Цицерон, который в своей "Республике"[25] занимался древней конституцией Рима и подробно рассказывал о разделе земель, всегда говорит о распределении между гражданами без учета качества патриция или плебея, *divisit viritum civibus*. Он нигде не пишет, что территориальные богатства были исключительным достоянием патрициата. Однако следует признать, что сомнительно, что он намеревался включить плебеев в свой *civibus*. Более двух столетий до Цицерона плебеи пользовались всеми правами римского гражданства, но в течение более чем времени собственность была сосредоточена в руках аристократии. Такой результат стал следствием римской конституции[26] и создания густонаселенного города посреди узкой окружающей страны. Римская политика никогда не способствовала такой концентрации, и в дальнейшем выяснится, что аристократия, которой принадлежало главное руководство и управление государственными делами, мало-помалу узурпировала собственность, составлявшую домен государства, *то есть Ager Publicus*, и поглощала доходы, причитающиеся казне.

- [Сноска 1: Катон, *De Re Rustica*, I, строки 3-8. "Majores nostri ... virum bonum cum laudabant, ita laudabant, bonum agricolam bonumque colonum. Amplissime laudari existimabatur, qui ita laudabatur"].
- [Сноска 2: Muirhead, *Roman Law*, 36 et seq.]
- [Сноска 3: Varro, *De Lingua Latina*, V, 143].
- [Сноска 4: Frag, to Digest, 287 and 147 of Title 16, Bk. 50 with notes of Schultung and Small].
- [Сноска 5: Plutarch's *Romulus*, § 19].
- [Сноска 6: Mommsen, *History of Rome*, I, 194].
- [Сноска 7: Sismondi, *Etudes sur l'econ. polit.*, 1, 2, § 1].
- [Сноска 8: Pseudo Fabius Pictor, Bk. I, p. 54; Plut., *Numa*, 16; Festus V° Pectustum Palati, p. 198 и 566, Lindemann].
- [Сноска 9: Arnold, *Roman History*, I, ch. 3, par. 4].
- [Сноска 10: Mommsen, I, 75].
- [Сноска 11: Strabo, Bk. 5, 253].
- [Сноска 12: Strabo, Bk. 5, ch. 3, § 2].
- [Сноска 13: Arnold, I, ch. 3.]
- [Сноска 14: Дионисий, II, 55; V, 33, 36; III, 49-50; Ливий, I, 23-36].
- [Сноска 15: Dionysius, IV, 13].
- [Сноска 16: Bappo, *De Lingua Latina*, V, 33].
- [Сноска 17: Sigonius, *De Antiq. Juris Civ. Rom.*, Bk. I, ch. 2].
- [Сноска 18: Hume's *Hist. of Eng.*, I, ch. 4: IV, ch. 61].
- [Сноска 19: *Esprit des lois*, Liv. 27, c. 1].
- [Сноска 20: *Roman Hist.*, II, 164; III, 175 и 211].
- [Сноска 21: Lycurgus and Numa, II; Cicero, *De Repub.*, II, 9].
- [Сноска 22: Muirhead, *Roman Law*, 46 и примечание - "uti legasset suae rei ita jus esto"].
- [Сноска 23: Muirhead, 92-96].
- [Сноска 24: Niebuhr, I.]

- [Сноска 25: Momm., I, 126; Ihne, I; Nitzsch, *Geschichte der römischen Republik*, 52; Lange, *Römische Geschichte*, I, 18].
- [Сноска 26: Dureau de la Malle, *Mém. sur les pop. de l'Italie, 500 et seq.*]

SEC. 2. - КВИРИТСКОЕ ВЛАДЕНИЕ.

Гражданство было первым условием для возникновения права собственности на римской территории. Это правило, хотя и неизменное и присущее римскому государству, не поддавалось влиянию международной политики или философии права, однако его строгость дает нам заметную характеристику права Древнего Рима. Цицерон и Гай сохранили для нас важный памятник этого права во фрагменте Двенадцати таблиц, где провозглашается торжественный принцип: *adversus hostem aeterna auctoritas esto*.^[1] *Hostis* в старом латинском языке было синонимом чужака, *perigrinus*^[2] Это римское название применялось также к человеку, лишившемуся защиты закона в результате уголовного осуждения, и поэтому его называли *peregrinus*^[3].

Auctoritas также имело в старой латыни значение, отличное от того, которое оно имеет в более поздней латыни. Оно выражало идею права на иск и защиту по справедливости. Оно было почти эквивалентно праву собственности.^[4] Таким образом, смысл римского права заключался в том, что *перегрин* не мог выступать против римлянина, и это положение несколько напоминало старое право Англии.^[5] А поскольку для приобретения имущества гражданскими и торжественными средствами, которые преобладали в имущественном праве Рима, необходимо было быть гражданином, из этого следовало, что *перегрины* были лишены всех прав на собственность на землю по этим законам. Это исключительное законодательство долгое время господствовало в Европе и не исчезло даже из Кодекса Наполеона 1819 года^[6].

Яркий пример суровости древнеримского права в этом отношении мы находим в тексте Гая: "*Aut enim ex jure quiritium unusquisque dominus erat, aut non intelligebatur dominus*"^[7].

Таким образом, *Dominium* был неотделим от *Jus Quiritium*, закона римского города, оптимального *jus civium Romanorum*. *Перегрин* был исключен из земельной собственности, как римской, так и частной; он не мог ни наследовать, ни передавать, ни требовать, ни защищать в суде. Более того, название *peregrinus* не ограничивалось собственно чужеземцем, но также присваивалось подданным Рима^[8], которые, будучи лишены собственности, а также политической свободы по праву завоевания, не получили права гражданства, которое долгое время было ограничено очень узкими рамками. Таким образом, из процитированного закона следует, что клиент и плебей не могли вначале владеть землей *optimo ex jure quiritium*.

Таким образом, владение патрициев было тройным: Во-первых, они имели полную собственность на землю; во-вторых, они обладали сеньориальным правом, *jus in re*, на землю своих клиентов и плебеев, чья собственность принадлежала *populus*, то есть общему собранию патрициев; в-третьих, в своих собственных руках они держали земли, которые были частью домена и которыми владели на очень шатком основании, называемом *possessio*.

По мнению Ине, все земли в Риме находились в вышеупомянутом владении до принятия Ицилийского закона *de Aventino publicando*, который предусматривал изменение владения, превращая прежнее зависимое и обремененное владение плебеев в полную собственность.

- [Сноска 1: De Officiis, I, 12; Gaius, Frag., 234: Digest, 50, 16].
- [Сноска 2: Varro, De L.L.V. 14; Plautus, *Trinummus*, Act I, Scene 2, V. 75; Harper's *Latin Dictionary*; Cicero, *De Off.*, I, 12: "Hostis enim apud majores nostros is dicibatur, quem nunc peregrinum dicimus."]
- [Сноска 3: Cic., *loc. cit.*; Gaius, Frag., 234].
- [Сноска 4: Forcellini, *Lexic.*; Harper's *Latin Lex.*]
- [Сноска 5: *т.е.* потомки выморочного лица не могли предъявить иск о возврате имущества].
- [Сноска 6: Giraud, *Recherches sur le Droit de Propriété*, p. 210].
- [Сноска 7: Gaius, Bk. II, 40].
- [Сноска 8: Ulpian, Frag., Title XIX, 4; Giraud, 216].

SEC. 3. -AGER PUBLICUS.

В начале своей истории Рим постоянно совершал новые завоевания и таким образом увеличивал свою территорию.[1] Он неуклонно следовал курсу на уничтожение своих соседей, чтобы таким образом стать богатым и могущественным. Таким образом, большие участки территории стали римской землей, собственностью государства или *Ager Publicus*[2].

Эти общественные земли расширялись пропорционально успехам римского оружия, поскольку конфискация территории побежденных была, при отсутствии более выгодных условий, частью военного права. Все завоеванные земли, прежде чем они были пожалованы или проданы частным лицам, становились *Ager Publicus*[3] - термин, который, за редким исключением, охватывал весь римский мир.

Это *Ager Publicus* еще более увеличивалось за счет городов[4], добровольно сдававшихся Риму, не дожидаясь железной руки войны. Обычно они лишались трети своей земли[5]. "Почва страны не является продуктом труда в большей степени, чем вода или воздух. Поэтому отдельные граждане не могут претендовать на законную собственность на землю как на что-либо[6], произведенное их собственными руками". Государство в данном случае,

как представитель прав и интересов общества, решает, как должна быть разделена земля между членами общины, и правила, установленные государством для регулирования этого вопроса, имеют первое и высшее значение для определения гражданского состояния страны и процветания народа. Когда только одно сословие в народе имеет привилегию на владение землей, образуется самая исключительная олигархия.[7] Когда земля принадлежит небольшими частями большому числу людей и никто юридически или практически не лишен возможности приобрести землю, здесь мы находим элементы демократии.

В соответствии с самым строгим правом завоевания в древности побежденные теряли не только личную свободу, движимое и земельное[8] имущество, но даже саму жизнь. Все отдавалось на милость завоевателей. На практике это право видоизменялось, и в Риме крайняя суровость применялась только в крайних случаях, как правило, в качестве наказания за измену[9].

Такое великодушие не было редкостью и доходило даже до возвращения покоренному народу всей его территории[10]. Но не будем думать, что эта гуманность по отношению к покоренному народу проистекала из жалости, вызванной его бедственным положением. Она объяснялась исключительно интересами самих завоевателей. Завоеванные земли нужно было еще возделывать, а истощенное население - восстанавливать. Поэтому завоеванные, как правило, оставляли себе не только жизнь и свободу, но и средства к существованию, то есть некоторую часть своей земли. Эта часть земли не подлежала никаким ограничениям и повинностям, кроме тех, что налагались на квинтскую собственность. Это была частная собственность в полном смысле этого слова, находящаяся, таким образом, в неограниченном распоряжении индивида.[11] Эти люди составляли ядро плебеев, свободных людей, которые были членами римского государства[12], не обладая при этом никакими политическими правами.

Ager Publicus был собственностью государства и как таковой мог быть отчужден только государством.[13] Это отчуждение могло быть осуществлено двумя способами:

(a). Путем публичной продажи;

(b). Путем безвозмездной раздачи.

(a). Публичная продажа была просто аукционом, на котором продавался тот, кто больше заплатит, и в поздние времена монархии и в начале республики богатые плебеи, должно быть, становились обладателями больших участков земли таким образом; привилегия приобретения собственности на землю была распространена на них за некоторое время до реформы Сервия[14].

(b). Безвозмездная раздача земли осуществлялась посредством аграрных законов или королевских пожалований и имела своей целью создание колоний для целей обороны, награждение ветеранов или заслуженных солдат[15], а в более поздние времена - обеспечение обедневших плебеев.

Но даже в самые ранние времена часть земель домена была исключена из продажи или частного присвоения[16], чтобы служить ресурсом для нужд государства.

Это было общим обычаем античных республик, и эта максима о резервировании земель была рекомендована[17] Аристотелем в качестве первого принципа политической экономии.

Зарезервированные земли сдавались в аренду либо на пять лет (*quinquennial leaseholds*), либо на вечные времена, *то есть* в эмфитевтическую аренду или копигольд. С этих земель[18] казна получала доход в размере от одной десятой до одной пятой части годового урожая.

Кроме перечисленных законных способов, был еще один, очень распространенный, который, кажется, никогда не был установлен никаким законом и поэтому существовал только на основании титула терпимости. Я говорю о бессрочном *владении*, которое было ничем иным, как захватом патрициями[19] земли, принадлежащей государству, и по своей природе было весьма схоже с так называемым "самозахватом", широко практикуемым в некоторых из наших западных штатов и территорий. Поначалу право на пользование государственными землями принадлежало патрициям, и это право не распространялось на плебеев до тех пор, пока они не были приняты в полноправное гражданство. По отношению к государству *владелец*[20] был всего лишь арендатором по своему желанию и мог быть смещен, когда пожелает; но по отношению к другим лицам он был как владелец земли и мог отчуждать занимаемую им землю либо на срок лет, либо навсегда, как если бы он был настоящим собственником.[21] Занимаемая таким образом общественная земля рассматривалась как ресурс при приеме новых граждан. Они обычно получали небольшой фригольд в соответствии с общепринятым в древности представлением о том, что бюргер должен быть землевладельцем. Эта земля могла быть найдена только путем раздела той, что принадлежала обществу, и последующего изгнания арендаторов по собственному желанию. В греческих государствах за каждым большим увеличением числа граждан следовал призыв к разделу общественных земель, и, поскольку этот раздел предполагал жертву многих существующих интересов, он рассматривался старыми бюргерами с отвращением, как акт революции.

Большая часть богатства римлян заключалась в доменах такого рода, и вдумчивому уму придет в голову вопрос, как правительство смогло удержать наиболее знатную часть своих граждан в таком неопределенном и тревожном правовом положении. Английское право в этом отношении сильно отличается от римского и решает вопрос в пользу арендатора и против государства. Вполне возможно, что эта неопределенность владения имела тенденцию делать правительство более стабильным и менее подверженным внезапным революционным движениям, оказывая на римское правительство тот же эффект, который накопительные долги оказывают на современные государства".

- [Сноска 1: Long, *Decline of the Roman Rep.*, I, ch. 11].
- [Footnote 2: Muirhead, *Roman Law*, 92].
- [Сноска 3: Ortolan, *Histoire de la legislation Romaine*, p. 21].
- [Сноска 4: Mommsen, I, 131; Arnold, I, 157].
- [Сноска 5: Дионисий, IV, 11, Ливий].
- [Сноска 6: Ihne, I, 175].
- [Сноска 7: Ihne, I, 175.]
- [Сноска 8: Livy, Bk. I, c. 38, с примечанием Drachenborch; Livy, Bk. VII, c. 31].
- [Footnote 9: Siculus Flaccus, *De Conditione Agrorum*, 2, 3: "Ut vero Romani omnium gentium potiti sunt, agros alios ex hoste captos in victorem populum partiti sunt, alios verro agros vendiderunt, ut Sabinorum ager qui dicitur quaestorius."]
- [Сноска 10: Cicero, in Verrem, II, Bk. 3, § 6].
- [Сноска 11: Giraud, *Droit de propriété chez les romains*, 160].

- [Footnote 12: Ihne, I, 175.]
- [Сноска 13: Muirhead, 92; Giraud, 165].
- [Сноска 14: Higin., *De Limit. Const. apud Goes. Rei Agr. Script.*, pp. 159-160].
- [Сноска 15: Giraud, 164.]
- [Сноска 16: Dionysius, II, 7.]
- [Сноска 17: Аристотель, *Полит.*, Z. Κεφ. θ. 7: Αναγκαιον τοινυν εις δυο μερη διηρησθαι την χωραν και την μεν ειναι κοινην, την δε των ιδιωτων.
(Аристотель, *Polit.*, Z. Keph. th. 7: Anagkaion toinun eis duo merae diaeraesthai taen choran kai ton men einai koinaen, taen de ton idioton.)].
- [Footnote 18: Giraud, 163.]
- [Сноска 19: Festus, p. 209, Lindemann; Cicero, ad Att. II, 15; Philipp. V, 7; De Leg. Agr. I, 2, III, 3; De Off. II, 22; Ливий, II, 61, IV, 51, 53, VI, 4, 15; Suet. Julius Cæsar, 38; Octavius, 13, 32; Cæsar, De Bell. Civ., I, 17; Orosius, V, 18].
- [Сноска 20: Aggenus Urbicus, p. 69, ed. Goes].
- [Сноска 21: Giraud, 185-187; Mommsen, I, 110; Ortolan, 227; Hunter, *Roman Law*, 367].

SEC. 4. - РИМСКИЕ КОЛОНИИ.

Вероятно, ни в чем другом римское правительство не проявляет так ярко свою природу и силу, как в методе колонизации. Ни одна нация, ни древняя, ни современная, никогда не контролировала свои колонии так полно, как римская. Ее гражданское право, действительно, отражалось как в политических, так и в международных отношениях. В Греции, как только мальчик достигал определенного возраста, его имя заносилось в племенные списки, и отныне он был свободен от *власти* отца и должен был оказывать ему лишь знаки уважения, которых требовала природа. Так и колонии в определенном возрасте отделялись от материнского города, не теряя при этом памяти об общем происхождении. В Риме дело обстоит иначе. Дети[2] всегда находились под *властью* своих родителей. По аналогии с этим колонии должны оставаться в подчинении у своего города-матери. Греческие колонии отправлялись в чужую землю, которая никогда не была завоевана эллинским оружием и по которой до сих пор не ступала нога грека. Римские[3] колонии были основаны правительством на земле, которая была ранее завоевана и, следовательно, принадлежала римскому владению. Грека обуревало стремление к богатству и личному отличию, и он был полностью свободен направлять свои усилия на достижение личных целей. Но не так с римлянином. Он жертвовал собой ради блага государства. Вместо соблазнов богатства он получил шесть югеров земли, свободной от налогов, правда, но едва достаточной, чтобы вознаградить самый тяжелый труд скудным пропитанием. Вместо надежды на личное отличие он в большинстве случаев жертвовал самыми ценными из своих прав, *jus suffragii et jus*[4] *honorum*, и страдал от того, что называлось *capitis diminutio*. Вместе с женой и семьей он посвящал себя военной службе на всю жизнь. На самом деле римляне использовали колонизацию как средство укрепления своих завоеваний в Италии и

распространения своего господства из одного центра на большую территорию страны. Римские колонии не были торговыми. В этом отношении они отличались от финикийских и греческих. Их цель была в основном военной[6], и с этой точки зрения они отличались от колоний как древних, так и современных. Их целью было установление римской власти. Колонисты входили гарнизоном в завоеванный город и подвергались опасностям со всех сторон. Каждая колония действовала как крепость, защищая границы и удерживая подданных в верности Риму. Создание колонии не было делом индивидуального выбора и не зависело от причуд случая. Декрет сената решал, когда и куда отправлять колонию, а народ в своих собраниях избирал отдельных членов для колонизации.

С другой стороны, римские колонии были похожи на греческие, поскольку их результатом было удаление из центра в отдаленные места избыточного населения, опасного,[7] беспокойного и беспокойного.

Но разница в расположении колоний была легко различима. Как правило, финикийцы и греки, а также современные люди основывали свои колонии в незанятых местах. Здесь они возводили новые города, которые располагались в местах, благоприятных для морских и торговых связей. Римляне, напротив, избегали основывать колонии на новых местах. Овладев городом, они изгоняли из него часть жителей, то ли для того, чтобы перевести их в Рим, как вначале, то ли чуть позже, когда возникла необходимость препятствовать росту римского населения, в более отдаленные места. Изгнанное таким образом население заменялось римскими и латинскими гражданами.[8] Так был создан постоянный гарнизон, который обеспечивал покорность соседних стран и пресекал в зародыше всякую попытку восстания. Во всех отношениях эти колонии оставались под наблюдением и находились в самой полной и абсолютной зависимости от города-матери, Рима. До времен Гая Гракха колонии так и не стали средством обеспечения обнищавших и деградировавших людей. Когда завоевывалась новая территория, туда отправлялся гражданин-солдат. Таким образом, эти колонии отмечают рост римского владычества, как кольца окружности отмечают годовой рост дерева. Эти колонии были двух видов - латинские и римские.

1. Латинские колонии - это те[9], которые состояли из латинов и герников, или римлян, пользовавшихся теми же правами, что и они, то есть обладавших скорее латинским правом, чем римской франшизой. Они создавались внутри страны как дорожные крепости и, располагаясь вблизи горных перевалов или главных магистралей, служили защитой Рима и сдерживали врага.

2. Римские, или бюргерские, колонии

[10]

, состояли полностью из римских граждан, которые сохраняли свои политические права и, как следствие, тесную связь с родным городом. В некоторых случаях латинянам предоставлялось полное право голоса и разрешалось присоединяться к этим колониям. Как по положению, так и по правам эти колонии отличались от латинских тем, что за редким исключением располагались на побережье и таким образом служили защитой от иностранного вторжения.

Таблица латинских колоний в Италии.

	КОЛОНИИ.	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ.	ДО НАШЕЙ ЭРЫ.	АВТОРИТЕТЫ.
1	Signia.	Латиум.	?	Ливий, 1, 56;
2	Cerceii.	"	?	Дионис, 4, 63.
3	Suessa Pometia.	"	?	Id.
4	Cora.	"	?	Ливий, 2, 16.
5	Velitrae.	"	494	Ливий, 2, 16.
6	Norba.	"	492	Ливий, 2, 30, 31;
7	Antium.	"	467	Дионис, 6, 42,
8	Ардея.	"	442	43.
9	Сатрикум.	"	385	Ливий, 2, 34;
10	Sutrum.	Этрурия.	383	Дионис, 7, 13.
11	Непете.	"	383	" 3, 1; " 9, 59.
12	Сетия.	Лациум.	382	" 4, 11; Диодор,
13	Калес.	Кампания.	334	12, 34.
14	Fregellae.	Лациум.	328	" 6, 14.
15	Luceria.	Апулия.	314	Велл., 1, 14.
16	Suessa.		313	Ливий, 6, 21;
17	Pontiae.	Остров Латиум.	313	Велл.
18	Saticula.	Самниум.	313	Велл., 1, 14;
19	Interamna	Латиум.	312	Ливий, 6, 30.
20	Lirinas.	"	303	" 1,14; " 8,16.
21	Сора.	"	303	Ливий, 8, 22.
22	Альба.	Умбрия.	299	" Epit., 60.
23	Нарния.	Лациум.	298	" 9, 28.
24	Карсеола.	Апулия.	291	" 9, 28.
25	Венусия.	Пиценум.	289	" 9, 22; Vell., 1,
26	Хатрия.	Кампания.	273	14; Festus, p.
27	Коза.	Лукания.	273	340.
28	Паэстум.		268	Ливий, 9, 28;
29	Ариминум.	Самниум.	268	Велл, 1, 14;
30	Беневентум.	Пиценум.	264	Диодор, 19, 105.
31	Фирмум.	Самниум.	263	Ливий, 10, 1;
32	Эзерния.	Калабрия.	244	Велл., 1, 14.
33	Брундизий.	Умбрия.	241	" 10, 1; " 1, 14.
34	Сполетиум.	Галлия Сис.	218	" 10, 10.
35	Кремона.	" "	218	" 10, 13.
36	Плаценция.	Лукания.	193	Vell., 1, 14;
37	Копия.	Бруттии.	192	Dionys. Ex., 2335.
38	Валентия.	Галлия Сис.	189	Ливий, Эпит., 11.
39	Бонония.	Gallia Trans.	181	" 14; Vell., 1, 14.

Аквилея.

Id. Id.
Vell., 1, 14; L.
Epit., 15; Eutrop.,
2, 16.
Vell., 1, 14; L.
Epit., 15; Eutrop.,
2, 16.
Vell., 1, 14.
" 1, 14; L. Epit.,
16.
" 1, 14; " 19.
" 1, 14; " 20.
218 Tacitus, *Hist.*,
3,35.
L. Epit., 20;
Polyb., 3, 40; V. 1,
14, 8.
Ливий, 34, 53.
" 34, 40; 35,40.
" 37, 57; Vell., 1,
15.
" 40, 34; " "

Таблица гражданских колоний в Италии.

	КОЛОНИИ.	МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ.	ДО НАШЕЙ ЭРЫ.	АВТОРИТЕТЫ.
1	Остея.	Латиум.	418	Ливий, 1, 33;
2	Labici.	"	418	Дионис, 3, 44;
3	Antium.	"	338	Полибий, 6, 29;
4	Auxur.	"	329	Cic. de R.R., 2,
5	Minturnae.	Кампания.	296	18, 33.
6	Синуэсса.	"	296	Ливий, 4, 47, 7.
7	Sena Gallica.	Умбрия.	283	" 8, 14.
8	Каструм Новум.	Пиценум.	283	" 8, 21; 27, 38;
9	Aesium.	Умбрия.	247	Vell. 1, 14.

10	Альсиум.	Этрурия.	247	Ливий, 10, 21.
11	Фрегена.	"	245	" 10, 21; 27, 38.
12	Пирги.	"	191	" Epit., 11; Vell.,
13	Путеолы.	Кампания.	194	1, 14, 8.
14	Вольтурнум.	"	194	Ливий, Эпит., 11;
15	Литурнум.	"	194	Велл., 1, 14, 8.
16	Салернум.	"	194	Vell., 1, 14, 8.
17	Буксентум.	Лукания.	194	" 1, 14, 8; L.
18	Сипонтум.	Апулия.	194	Epit., 19; L., 36, 3.
19	Темпса.	Бруттии.	194	Ливий, 36, 3.
20	Кротон.	"	194	" "
21	Потенция.	Пиценум.	184	" 34, 45.
22	Пизаурум.	Умбрия.	184	Id.
23	Парма.	Галлия Сис.	183	Id.
24	Мутина.	Галлия Сис.	183	Id.
25	Сатурния.	Этрурия.	183	Ливий, 34, 45.
26	Graviscae.	"	181	Id.
27	Luna.	"	180	Id.
28	Auximum.	Пиценум.	157	Id.
29	Fabrateria.	Лациум.	124	Ливий, 39, 44.
30	Minervia.	Бруттии.	122	" " "
31	Нептуния.	Иапигия.	122	" " 55.
32	Дертон.	Лигурия.	100	Ливий, 39, 55.
33	Эпоредия.	Галлия Транс.	100	" " "
34	Нарбо Мартиус.	Галлия Нарбо.	118	" 40, 39.
				" 41, 13.
				Велл., 1, 15, 3.
				" 1, 15, 4.
				" 1, 15, 4;
				Appian B.C., 2,
				23.
				Id.
				Vell., 1, 15, 5.
				" " "
				Моммзен.

- [Сноска 1: Bouchaud, M.A., *Dissertation sur les colonies romaines*, pp. 114-222, en Memoires de l'institut Sciences, Morals et Politique, III].
- [Footnote 2: Muirhead's Article on *Roman Law* in Ency. Brit.; Ihne, I, 235].
- [Сноска 3: Momm., I, 145.]

- [Footnote 4: Momm., *loc. cit.*]
- [Сноска 5: Брут (App. В.С., II, 140) называет колонистов φυλακας των πεπολεμηκοτων. (phylakas ton pepolemaekoton)].
- [Footnote 6: Ihne, I, 236.]
- [Сноска 7: Cicero, Ad Att., I, 19: "Sentinam urbis exhaurire, et Italiae solitudinem frequentiori posse arbitrabor"].
- [Сноска 8: Momm., I, 145].
- [Сноска 9: Marquardt u. Momm., IV, 35-51; Momm., *History of Rome*, I, 108, 539; Madvig Opuscula Academica, I, 208-305].
- [Сноска 10: Marquardt u. Momm., IV, 35-51; Ihne, vols. I-V; Momm., vols. I-V; Madvig Opus., *loc. cit.*].

ГЛАВА II.

CEK. 5. -LEX CASSIA.

Каждый год увеличивал разницу между патрициями и плебеями, богатыми и бедными; эта разница стала настолько велика, что серьезно угрожала самому существованию государства. Самым мудрым из всех планов, которые предлагались, чтобы остановить это зло, был тот, что изложил Спурий Кассий, знатный патриций, который уже в третий раз был консулом. В 268 году он представил бюргерам[2] предложение провести межевание общественных земель, отделить часть, принадлежащую населению, а остальное разделить между плебеями или сдать в аренду в пользу[3] общественной казны.

Таким образом он пытался вырвать у сената контроль над государственными землями и с помощью латинов и плебеев положить конец системе оккупации[4]. Земли, которые он предлагал разделить, были исключительно теми, которые государство приобрело путем завоевания после общего назначения царем Сервием и которые оно все еще сохраняло.[Это была первая мера, которой предлагалось нарушить мирное владение государственными землями, и, по словам Ливия, с тех пор и до того времени, когда он писал эту книгу, при Августе, подобная мера никогда не предлагалась, не вызывая сильнейших волнений.[6] Кассий вполне мог полагать, что его личное отличие, справедливость и мудрость меры позволят провести ее в жизнь, даже несмотря на бурю сопротивления, которой она подверглась. Как и многие другие реформаторы, обладающие столь же благими намерениями, он ошибался.

Граждане, занимавшие эту землю, разбогатели благодаря ее владениям. Некоторые из них получили ее в наследство и, несомненно, считали ее своей собственностью в той же мере, что и *Ager Romanus*. Все они выступили против законопроекта. Патриции поднялись массово. Вместе с ними выступили богатые плебеи, аристократия богатства. Даже общинники были недовольны, потому что Спурий Кассий предложил в соответствии с федеративными правами и справедливостью отдать часть земли латинам и герникам, их единомышленникам и союзникам.[7] Законопроект, предложенный Кассием, вместе с необходимыми положениями, стал законом, по словам Нибура,[8] потому что трибуны не имели права выдвигать какой-либо закон до того, как плебейские племена получили право голоса в законодательном органе благодаря принятию закона Публилия в 472 году до н.э. Поэтому, когда они впоследствии воспользовались аграрным законом для возбуждения общественных страстей, он должен был быть ранее принят, но нечестно отменен, и, по словам Дионисия, именно в такой форме он вызвал волнения[9]. Хотя это, несомненно, верно, закон, в результате совместного противодействия, стал мертвой буквой, и люди, которые больше всего выиграли бы от его исполнения, объединились с врагами Кассия по истечении срока его полномочий, чтобы осудить его на смерть. Так невежество обычно вознаграждает своих благодетелей. Волнение, вызванное Кассием, взбудоражило Римское содружество, которому уже более двадцати лет, до основания, но не оказало немедленного воздействия на *ager publicus*. Богатые патриции и те немногие плебеи, у которых было достаточно богатства, чтобы обрабатывать эти земли, по-прежнему оставались в бесспорном владении. Бедный плебей по-прежнему продолжал проливать свою кровь на поле боя, чтобы пополнить римскую территорию, но ни пяди земли он не получал. Богатство централизовалось. Нищета росла.

- [Сноска 1: Dionysius, VIII, 68; "Οἱ δὲ παρὰ τούτων τὴν υπατείαν παραλαβόντες ποπλίος Ουεργίνιος καὶ Σπορίος Κασσιός, τὸ τρίτον τότε ἀποδείχθεις ὑπότος, κ. τ. λ." (Dionysius, VIII, 68; "Οἱ δὲ παρὰ τούτων τὰ ἐν ὑπατείᾳ παραλαβόντες ποπλίος Ουεργίνιος καὶ Σπορίος Κασσιός, τὸ τρίτον τότε ἀποδείχθησαν ὑπότος, κ. τ. λ.")].
- [Сноска 2: Dionysius, VIII, 69; Livy, II, 41, seq.]
- [Сноска 3: Дионисий, VIII, 81].
- [Сноска 4: Дионисий, VIII, 69; Моммзен, I, 363].
- [Сноска 5: Niebuhr, II, 166].
- [Сноска 6: Livy, II, 41; "Tum primum lex agraria promulgata est nunquam deinde usque ad hanc memoriam sine maximis motibus rerum agitata."]
- [Сноска 7: Livy, II, 41; Dionysius, VIII, 69].
- [Сноска 8: Niebuhr, II.]
- [Сноска 9: Dionysius, VIII, 81: "ἐκκλησίαι τε συνέγεις ὑπὸ τῶν τότε δημαρχῶν ἐγίνοντο καὶ ἀπαιτήσεις τῆς ὑποσχέσεως". См. также VIII, 87, строка 25 и далее. (Dionysius, VIII, 81: "Ekklaesiai te sunegeis hypo ton tote daemarchon eginonto kai apaitaeseis taes hyposcheseos." См. также VIII, 87, строка 25 и далее)].

SEC. 6. - АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 486 И 367 ГОДАМИ.

Современные историки, писавшие о Римской республике, насколько мне известно, сразу же перешли от рассмотрения *Lex Cassia* к закону Лициния Столо. Между тем прошло более века. Кассий умер в 485 году, Лициний Столо предложил свой закон в 376 году. За это столетие, в течение которого происходило становление республики и медленный рост плебейского корпуса, было предложено множество аграрных законов и проведено множество разделов общественной земли. О них упоминают и Дионисий, и Ливий. Неудачный успех предложения Кассия и дурные последствия для него самого никак не сдерживали рвения трибунов. Предложения аграрных законов следовали одно за другим с удивительной быстротой. Ливий перечисляет эти предложения, но почти без подробностей и без комментариев относительно их тенденций или отличий друг от друга или от закона Кассия. Поскольку этот закон не достиг своей цели, будучи проигнорированным, мы можем с уверенностью заключить, что большинство из этих предложений были лишь воспроизведением закона Кассия.

В 484 году, а затем в 483 году трибун предложил аграрные законы, но какова была их природа, Ливий, который их записывает, нам не сообщает. Из некоторых неясных утверждений, которые он делает, мы можем заключить, что суть закона была хорошо известна и являлась лишь повторением закона Кассия.[1] Консул Цезо Фабий в 484 году и его брат Марк в следующем году преодолели сопротивление сената и добились поражения своих законов.

Ливий (II, 42) очень кратко упоминает о новом предложении, выдвинутом Спурием Лицинием в 482 году. Здесь мы можем дополнить его рассказ ссылкой на Дионисия,[2] который говорит, что в 483 году трибун по имени Кай Маний предложил аграрный закон и заявил, что будет противиться любому сбору войск, пока сенат не исполнит закон, предписывающий создание децемвиров для определения границ домениальной земли и, в частности, запрещающий зачисление граждан. Сенату удалось через консулов, Марка Фабия и Валерия, древнего соратника Кассия, придумать, как обойти это затруднение. Власть трибунов по старому римскому праву[3] не распространялась за пределы городских стен, тогда как власть консулов была везде равной и ограничивалась лишь пределами римского мира. Они перенесли свои курульные кресла и другие знаки власти за городские стены и приступили к зачислению. Все, кто отказывался записываться, считались врагами[4] республики. У тех, кто был собственником, конфисковали имущество, вырубили деревья и сожгли дома. У тех, кто был простым крестьянином, отбирали сельскохозяйственные орудия, волов и все необходимое для обработки земли. Сопротивление трибунов было бессильно против этого систематического угнетения со стороны патрициев; аграрный[5] закон провалился, а зачисление продолжалось.

Существует некоторая сложность в определении фактов, связанных с законом, предложенным Спурием Лицинием[6], о котором говорит Ливий. Дионисий называет этого трибуна не Лицинием, а Σπυρίος Σικίλιος (Spurios Sikilios). В латинском переводе Дионисия есть имя Ицилий, и это имя было принято Сигонием и другими историками. Ливий говорит нам, что семья Ицилиев всегда была враждебна патрициям, и упоминает многих трибунов с этим именем, которые были ярыми защитниками общинников. Поэтому, принимая эту

поправку, не стоит путать этого Ицилия с тем, кто предложил разделить Авентин между плебеями. Ицилий, согласно Ливию и Дионисию,[7] выдвинул то же требование, что и предыдущие трибуны, *то есть* назначение децемвиров для осмотра и распределения домениальных земель в соответствии с ранее принятыми законами. Кроме того, он заявил, что будет противодействовать всем декретам сената, касающимся войны или управления внутренними делами, до тех пор, пока не будут приняты и исполнены его меры. И снова сенат избежал трудностей и хитростью уклонился от исполнения закона. Аппий Клавдий, по словам Дионисия,[8] посоветовал сенату искать средство против себя внутри трибуната и подкупить нескольких коллег Ицилия, чтобы они выступили против его мер. Это политическое коварство принесло сенату желаемый результат. Ицилий продолжал настаивать на своем предложении и заявил, что предпочел бы видеть этрусков хозяевами Рима, чем еще долго терпеть узурпацию домениальных земель со стороны их владельцев[9].

Из этого несколько косвенного рассказа мы узнали, что в те времена требовалось большинство трибунов, чтобы наложить вето на акт своего коллеги. Во времена Гракхов вето одного трибуна было достаточно, чтобы помешать принятию закона, и Тиберий долгое время сдерживался благодаря своему коллеге Октавию. Тогда коллегия трибунов состояла из десяти членов, и отстранить одного из них от должности было бы несложно либо по причине коррупции, либо из-за ревности. Но очевидно, что в рассматриваемое нами время требовалось большинство трибунов, чтобы наложить вето на закон своего коллеги; кроме того, коллегия состояла из пяти членов. Последний факт виден из заявления Ливия,[10] когда он упоминает о противодействии, которое четыре трибуна оказали своему коллеге Понтифику в 480 году. В этом же случае он приписывает Аппию Клавдию поведение, которое Дионисий приписывал ему в предыдущем году. Но он заставляет Аппия заявить в своей речи в пользу коррупции некоторых трибунов, "что вето одного трибуна было бы достаточно, чтобы победить всех остальных"[11] Это противоречит утверждению Дионисия[12] и кажется невероятным, поскольку, если бы противодействие одного трибуна было достаточным, патриции не сочли бы нужным покупать четырех. Это противоречило бы политическим методам.

Два предложения трибунов, Ицилия в 482 году и Понтифика в 480 году, закончились одинаково. Оппозиция их коллег одержала над ними победу. Но это упорное противодействие, вместо того чтобы сокрушать, казалось, возбуждало новые атаки. Мы видели, как трибуны, Мений, Ицилий и Понтифиций, один за другим терпели поражение. Следующее движение возглавил представитель аристократии Фабий Цезо,[13] консул в третий раз в 477 году. Он предпринял попытку вырвать из рук трибунов страшную руку аграрной агитации, которую они постоянно применяли против патрициев, заставив патрициев самих распределить домениальные земли поровну между плебеями, заявив: "что те[14] лица должны получить земли, кровью и потом которых они были завоеваны". Его предложение было с презрением отвергнуто патрициями, и эта попытка примирения провалилась, как и все попытки трибунов. Война с ваиями, которая, по словам Ливия, произошла в это время, на некоторое время помешала любым аграрным движениям; но в 474 году трибуны Гай Консидий и Тит Генуций предприняли бесплодную попытку распределения, а в 472 году Дионисий говорит о законопроекте, выдвинутом кн. Генуцием, который, вероятно, является тем же самым законопроектом.

В 468 году два консула, Валерий и Аэмилиий, искренне поддержали трибунов в их требовании[15] принять аграрный закон. Последний, по-видимому, поддержал трибунов, потому что был разгневан тем, что сенат отказал его отцу в триумфе; Валерий - потому что хотел примирить народ с тем, что принял участие в осуждении Кассия.

Дионисий, по своему обыкновению, пользуется случаем, чтобы написать здесь несколько длинных речей, и одна из них представляет для нас ценность. Он заставляет отца Аэмилиа изложить в официальной речи истинный характер аграрных законов и право государства снова взять в собственность земли, которыми оно завладело. Далее он говорит, "что это мудрая политика[16] - приступить к разделу земель, чтобы уменьшить постоянно растущее число бедняков, обеспечить гораздо большее число граждан для защиты страны, поощрить браки и, как следствие, увеличить число детей и защитников республики". В этой речи мы видим истинную цель, зародыш всех идей, которые стремились воплотить в жизнь Лициний Столо, Гракхи и даже Цезарь. Но римская аристократия была слишком слепа, чтобы понять эти мудрые слова. Все эти предложения либо потерпели поражение, либо ускользнули от внимания.

Lex Icilia. В 454 году[17] Луций Ицилий, один из трибунов того года, внес законопроект о том, что Авентинский холм должен быть передан плебеям как их личная и особая собственность.[18] Этот холм был самым ранним местом проживания плебеев, но они были окружены участками и полями патрициев. Та часть холма, которая еще оставалась в их владении, теперь требовалась плебеям. Для высшего сословия уступить столько было мало, ведь Авентин находился за Поморием,[19] освященной границей города, и в лучшем случае его площадь не превышала одной четвертой квадратной мили, да и то в основном лесистой. Консулы, соответственно, без колебаний представили законопроект сенату, перед которым Ицилий был допущен для выступления от его имени. Законопроект был принят сенатом и впоследствии подтвержден центуриями[20]. Закон предусматривал: "Вся земля, справедливо приобретенная кем-либо, должна оставаться во владении владельцев, но та ее часть, которая может быть узурпирована силой или обманом кем-либо и застроена, должна быть отдана народу; этим лицам возмещаются расходы на такие постройки по оценке назначенных для этой цели судей, а вся остальная земля, принадлежащая обществу, должна быть разделена между людьми, причем они не платят за нее никакого вознаграждения. Когда это было сделано, плебеи с торжественными церемониями вступили во владение холмом"[21]. Этот холм не стал домом для всех плебеев, как считают некоторые; более того, они не желали покидать свои поселения в городе или деревне, чтобы перебраться на Авентин. Плебеи уже обосновались почти во всех частях города и владели, как вассалы патрициев, значительными участками римской территории. Этот небольшой холм никогда не смог бы обеспечить жильем[22] все плебейское население. Зато он служил плебеям местом встречи во время раздоров с соседями-патрициями, где они могли собраться вдали от посторонних глаз, чтобы придумать, как противостоять посягательствам патрициев и утвердить свои права как римских граждан. Таким образом, был сделан шаг к их полной эмансипации. На какое-то время народ был успокоен и удовлетворен своим успехом, но вскоре он начал требовать более полных, более радикальных, более общих законов. В 453 году, кажется, была предпринята попытка распространить *действие lex Icilia* на *ager publicus*[23] в целом, но из этого ничего не вышло. В 440 году трибун Петилий предложил аграрный закон. Каковы были его условия, Ливий не сообщает, но довольствуется тем, что говорит: "Петилий предпринял бесполезную попытку внести в сенат закон о разделе домениальных земель"[24] Консулы решительно выступили против него, и его усилия сошли на нет.

В нашем обзоре аграрной агитации мы должны упомянуть бессильную и незначительную попытку, предпринятую сыном Спурия Мелием в 434 году. В 422 году были предприняты другие попытки, которые ни к чему не привели. Однако трибуны, пытавшиеся таким образом заручиться доброй волей народа, четко обозначили цель, которую они преследовали, выдвигая аграрный законопроект. Ливий говорит: "Они обнадеживали народ разделом

общественной земли, созданием колоний, взиманием с их владельцев *вектигала*, который должен был использоваться[25] для оплаты солдат".

В 419 году, а затем в 418 году были предприняты безуспешные попытки разделить земли между плебеями. Спурий Мецилий и Спурий Метилий, трибуны[26] на 412 год, предложили раздать народу поровну завоеванные земли. Патриции высмеяли этот закон, заявив, что сам Рим основан на завоеванной земле и не имеет ни одного акра земли, не захваченного силой оружия, и что народ не владеет ничем, кроме того, что было выделено республикой. Таким образом, задачей трибунов было распределение состояния всего государства. Такая пустопорожняя глупость не дала того эффекта, на который рассчитывали патриции. Аппий Клавдий посоветовал применить прекрасное средство, изобретенное его дедом. Шесть трибунов были подкуплены ласками, лестью и деньгами патрициев и наложили вето на своих коллег, которых таким образом вынудили уйти в отставку[27].

В следующем, 411 году Луций Секстий, ничуть не обескураженный неудачным успехом своих предшественников, предложил основать колонию в Болае, городе в стране вольсков, который был недавно завоеван. Патриции[28] воспротивились этому тем же методом, что и в предыдущем случае, - вето трибунов. Ливий критикует невежливое противодействие патрициев в таких словах: "Это было самое подходящее время, когда после наказания за мятеж раздел территории Болея должен был быть представлен в качестве успокоительного для их умов; таким образом они уменьшили бы свое стремление к аграрному закону, направленному на изгнание патрициев с общественной земли, которой они несправедливо владели. Тогда их возмущало то, что знатные не только сохраняли общественные земли, которыми завладели силой, но даже не предоставляли общинникам незанятые земли, недавно отнятые у врага, которые, как и остальные,[29] вскоре стали бы добычей немногих".

В 409 году Ицилий, несомненно, принадлежавший к плебейской семье, из которой вышло столько стойких защитников народных свобод, был избран народным трибуном и выдвинул аграрный законопроект, но разразившаяся чума помешала дальнейшим действиям. В 407 году трибун Мений внес аграрный законопроект и заявил, что будет противиться сборам до тех пор, пока лица, несправедливо владевшие общественными владениями, не согласятся на раздел. Началась война, и аграрное законодательство утонуло в грохоте оружия. Несколько лет прошло без упоминаний об аграрных законах. Осада Вейи началась в 406 году и продолжалась шесть лет, в течение которых было установлено военное право, дававшее плебеям занятие и некоторое удовлетворение. В 397 году началось аграрное движение, но плебеи были частично удовлетворены тем, что им разрешили избрать одного из них *консульским трибуном* на следующий год, таким образом получив немного почета, но не земли. После завоевания Вейи плебеи стали стремиться покинуть Рим и поселиться на конфискованной территории вейян; это удалось сделать только благодаря уступкам со стороны патрициев. Был принят декрет сената о том, что "семь югеров с человека венецианской территории должны быть розданы общинникам, причем не только отцам семейств, но и всем лицам, находящимся в их доме в состоянии свободы, и чтобы они были готовы воспитывать детей[30] с такой перспективой". В 384 году, через шесть лет после завоевания Рима галлами, трибуны года предложили закон о разделе территории Помптинии (*Pomptinus Ager*) между плебеями. Время было не самое благоприятное для агитации народа, так как он был занят восстановлением своих домов, разрушенных галлами, и движение ни к чему не привело. Трибун Луций Лициний в 383 году возродил это движение, но оно не было успешным до 379 года, когда сенат, благосклонный к общинам из-за завоевания вольсков, постановил назначить пять комиссаров для раздела помптинской территории[31] между плебеями. Это была новая победа для народа, которая, должно быть,

вселила в него надежду когда-нибудь получить в полном объеме свои права в государственных владениях.

Мы рассмотрели аграрные законы, предложенные и в некоторых случаях принятые между 485 и 376 годами, *то есть* между *lex Cassia* и *lex Licinia*, которые большая часть историков обошла вниманием. Теперь мы подошли к предложениям того прославленного плебея, чьи законы, характер и цель были так по-разному оценены всеми теми, кто хоть как-то изучал конституционную историю Рима. Мы хотим приступить к детальному рассмотрению *lex Licinia*, но перед этим сочли целесообразным сделать обзор аграрных волнений. Результатом этой работы, как мы полагаем, стало лучшее понимание реальной тенденции, истинной цели закона, который сейчас поглощает наше внимание. Он не был нововведением, как утверждают некоторые писатели того времени, но в действительности ограничился хорошо проторенной дорожкой своих предшественников, стремясь лишь сделать их достижения более общими, более существенными и более полными.

- [Сноска 1: "Solicitati, eo anno, sunt dulcedine agrariae legis animi plebis, vana lex vanique legis auctores". Livy, II, 42].
- [Сноска 2: Dionysius, VIII, 606, 607].
- [Сноска 3: Livy, *loc. cit.*: Dionysius, *loc. cit.*].
- [Сноска 4: Dionys., VIII, 554].
- [Сноска 5: Dionys., VIII, 555.]
- [Сноска 6: Val. Max., Fg. of Bk. X: "Spurii, patre incerto geniti."]
- [Сноска 7: Livy, *loc. cit.*; Dionys., *loc. cit.*].
- [Сноска 8: Dionys., IX, 558; Livy, II, 43].
- [Сноска 9: Dionys., IX, 559-560: "τους κατεγοντος την χωραν την δεμοσιαν...". "Και Σικίλιος ουδενος ετι κυριος ην". (Dionys., IX, 559-560: tous kategontos taen choran taen demosian." . . . "Kai Sikilios oudenos eti kurios aen.")].
- [Сноска 10: Livy, *loc. cit.*]
- [Сноска 11: Livy, II, 44: "Et unum vel adversus omnes satis esse ... quatuorque tribunorum adversus unum"]].
- [Сноска 12: Dionys., IX, 562].
- [Сноска 13: Livy, *loc. cit.*; Dionys., *loc. cit.*].
- [Сноска 14: Livy, II, 48: "Captivum agrum plebi, quam maxime aequaliter darent. Verum esse habere eos quorum sanguine ac sudore partus sit. Aspernati Patres sunt."]
- [Сноска 15: Livy, II, 61, 63, 64].
- [Сноска 16: Dionys., IX, 606, 607; Livy, III, 1. В этом месте авторитеты несколько противоречат друг другу, и я придерживаюсь рассказа Дионисия].
- [Сноска 17: Schwegler, *Römische Geschichte*, II, 484; Dionys., X, 31, p. 657, 43].
- [Сноска 18: Dionys., X, 31, l. 13; Ihne, *Hist. of Rome*, I, 191, note; Lange, *Röm. Alter.*, I, 619. Также см. art. в Smith's *Dict. of Antiquities*].
- [Сноска 19: Т. е. за пределами "квадрата", но εμπεριεχομενος τη πολεις (*emperiechomenos tae poleis*) , Dionys., X, 31, l. 18: "pontificale pomoerium, qui auspicato olim quidem omnem urbem ambiebat praeter Aventinum." Paul, ex Fest., p. 248, Müll].

- [Сноска 20: Dionys., X, 32].
- [Сноска 21: Dionys., X, 32.]
- [Сноска 22: Momms., I, 355.]
- [Сноска 23: Dionys., X, 34.]
- [Сноска 24: Livy, IV, 12: Neque ut de agris dividendis plebi referrent consules ad senatum pervincere potuit.... Ludibrioque erant minae tribuni].
- [Сноска 25: "Agri publici dividendi, coloniaramque deducendarum ostentatae spes, et vectigali possessoribus imposito, in stipendium militum erogandi aeris." Livy, IV, 36].
- [Сноска 26: Livy, *loc. cit.*]
- [Сноска 27: Livy, IV, 48.]
- [Сноска 28: Livy, IV, 49.]
- [Сноска 29: Livy, IV, 51.]
- [Сноска 30: Livy, VI, 5.]
- [Сноска 31: Quinque viros Pomptino agro dividendo. Livy, VI, 21.]

(а). - Расширение территории завоевания до 367 г. до н.э.

- 1. Кореолы, захваченные в 442 году.
- 2. Болаи, захвачены в 414 году.
- 3. Лабикум, захвачен в 418 году.
- 4. Фидены, захвачены в 426 году, вся территория конфискована.
- 5. Вейи, захваченные в 396 году.

Это был главный город этрусков, по размерам равный Риму, с большим количеством притоков; территория конфискована.

Примерное количество земель, добавленных к римским владениям, - 150 квадратных миль.

(b). - Колонии Основаны между 454 и 367 годами.

ГРАЖДАНСКИЕ КОЛОНИИ.

КОЛОНИИ.	МЕСТО.	ДАТА ДО Н.Э.	НЕТ. OF COLONISTS .	NO. JUG. НА КАЖДОГО.	TOTAL NO. JUGERA.	АКРЫ.
Лабичи.	Латиум.	418	1,500	2	3,000	1,875

ЛАТИНСКИЕ КОЛОНИИ.

КОЛОНИИ.	МЕСТО.	ДАТА ДО Н.Э.	НЕТ. КОЛОНИСТ ОВ.	NO. JUG. НА КАЖДОГО.	ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТ ВО. JUG.	ACRES.
Ардея.	Латиум.	442	300	2	600	375
Сатрикум.	"	385	300	2	600	375
Sutrium.	Этрурия.	383	300	2	600	375
Непете.	"	383	300	4	1,200	750
Сетия.	Латиум.	382	300	4	1,200	750

Всего 7,200 4,500

СЕК. 7. -LEX LICINIA.

Во время принятия закона Лициния партийные линии в Риме были сильно выражены. Одним из трибунов, избранных после возвращения плебеев из Монса Сакера, был Лициний. Первым военным трибуном с консульской властью, избранным из плебеев, был другой Лициний Кальв. Третьим великим человеком из этого знатного рода стал Кай Лициний Кальв Столо, который в расцвете сил и популярности был избран трибуном от плебеев на седьмой год после смерти Манлия Патриция. Тогда же трибуном был избран еще один плебей, Луций Секстий по имени. Если не сказать больше, он вскоре стал закадычным другом Лициния. Секстий был младшим, но не менее серьезным из них. Оба принадлежали к той части плебеев, которая, как предполагается, впоследствии была связана с либеральными патрициями. В эту партию входили более влиятельные и, безусловно, более авторитетные представители низшего сословия. Против нее выступали две другие партии плебеев. Одна состояла из тех немногих, кто, поднявшись до богатства или ранга, сбросил узы, связывавшие их с низшим сословием. Они предпочитали быть выскочками среди патрициев, а не лидерами среди плебеев. Как само собой разумеющееся, они становились паразитами нелиберальных патрициев. К этому же органу примыкала и другая плебейская партия. Она состояла из представителей низших классов, принадлежавших к низшему сословию. Эти низшие плебеи, как правило, игнорировались высшими классами своего сословия, а также патрициями как либеральной, так и нелиберальной партий. Они были поздними переселенцами, или бедными и деградировавшими среди всех. Как таковым им не оставалось ничего другого, кроме как зависеть от милостей или поручений самых знатных патрициев. Это разделение плебеев следует отметить особо. Если среди патрициев было всего две партии, либеральная и нелиберальная, то среди плебеев их было не менее трех. Только одну из этих трех партий можно назвать плебейской. Это была партия, содержащая нервы и сухожилия ордена, которая объединялась только с либеральными патрициями, причем только на сравнительно независимых условиях. Две другие партии были лишь подневольными прихлебателями нелиберальных патрициев.

Именно к плебейской партии принадлежал Лициний, как и его коллега Секстий,[1] по рождению. Бесценная традиция представляла патриция и плебея как объединенных для поддержки одного и того же дела по прихоти жены и дочери, через которых они были связаны. Некоторые революции, правда, являются следствием мгновенной страсти или часовой слабости. Они также не могут воспользоваться последующими достижениями, чтобы скрыть капризы или волнения, в которых они зародились. Но перемены, предпринятые Лицинием с помощью тестя, коллеги и нескольких друзей, простирались на сто с лишним лет назад (486 г. до н. э.), к закону мученика Кассия, и вперед, к концу Содружества. Он открывал плебеем новые почести и новые ресурсы.

Вероятно, трибуна возвели в должность за то, что он проявил решимость использовать свои полномочия на благо своего ордена и своей страны. Лициний и Секстий вместе выдвинули три законопроекта, автором которых был Лициний. Один, говорит историк, касался долгов. Он предусматривал, что если из основной суммы долга вычесть уже выплаченные проценты, то оставшаяся часть должна быть погашена равными частями в течение трех лет. Законы, направленные против чрезмерных процентов, а также против произвольных мер по взысканию основной суммы долга, полностью провалились. Поэтому любому, кто задумывался над этим вопросом, - а именно в усилиях мысли и заключается сила всех реформаторов, - было ясно, что шаг к предотвращению принесения должника в жертву кредитору еще предстоит сделать. Многие из кредиторов сами признали бы, что это желательно. Следующий билль из трех касался государственных земель. Он запрещал кому бы то ни было занимать более пятисот джугеров, то есть около 300 акров; в то же время он отвоевывал все, что превышало этот предел, у нынешних оккупантов с целью произвести

соответствующее распределение среди всего народа[3]. Далее следовали два пункта, один из которых предписывал нанимать определенное количество свободных людей в каждом поместье; другой запрещал любому гражданину[4] отправлять на общественные пастбища более ста голов крупного или пятисот голов мелкого скота. Эти последние детали важны не столько в связи с самим биллем, сколько в связи с одновременным ростом богатства и рабства, который они явно обозначают. Как первый билль был призван запретить рабство, проистекающее из слишком большой бедности, так и второй был направлен на предотвращение угнетения, проистекающего из слишком большой роскоши. Третий законопроект объявлял о прекращении существования должности военного трибуна с консульскими полномочиями. Вместо нее восстанавливалось консульство с полным[5] условием, что один из двух консулов должен быть взят из плебеев. Аргументом в пользу этого законопроекта, по-видимому, было настоятельное желание плебеев иметь большую долю в управлении, чем та, которой обладали их трибуны, эдилы и квесторы. В противном случае, говорили Лициний и его коллеги, не будет никакой гарантии, что наши долги будут погашены или что наши земли будут получены.[6] Даже в наше время было бы трудно составить три законопроекта, достигающих дальнейшей или осуществляющих более масштабную реформу. "Все было направлено против власти патрициев[7], чтобы обеспечить комфорт плебейам". В определенной степени это было правдой. Именно от патриция в первую очередь зависел законопроект о долгах, отнимавший ростовщические доходы, на которые рассчитывали. Именно у него должны были быть изъяты земли, указанные во втором законопроекте. От него же в целом зависели почести консулата. С другой стороны, плебеи, за исключением немногих собственников и кредиторов, выигрывали от всех предложенных мер. Бедняк вырвался из рабства и обзавелся имуществом. Тот, кто был выше долгов, видел себя на высшем посту в государстве. Разумные плебеи ликовали. Лициний, очевидно, задумал объединить разделенных членов плебейского корпуса. Ни один из них, будь то богатый или бедный, не был призван этими законопроектами обратно, чтобы с тех пор стоять на страже своего порядка. Если это предположение верно, то Лициний был величайшим вождем, которого плебеи когда-либо имели до времен Сезара. Но[8] с самого начала его постигло разочарование. Плебеи, которые больше всего нуждались в помощи, так мало заботились о том, чтобы консульство было открыто для более богатых людей из их сословия, что они с готовностью отказались бы от законопроекта об этом, чтобы не подвергать опасности свои собственные желания. В том же духе более знатные люди ордена, сами являвшиеся кредиторами бедняков и арендаторами домена, отменили бы постановления трибунов о списании долгов и распределении земли, так что они несли только третий законопроект, который делал их консулами, не нарушая их владений. В то время как плебеи продолжали отделяться друг от друга, патриции объединились, чтобы противостоять законопроектам. Лициний выступил вперед, требуя сразу все то, что его предшественникам стоило огромных усилий потребовать от патрициев по отдельности и через большие промежутки времени. Ничего не оставалось делать, как объединиться, чтобы одолеть его и его сторонников. "Он требовал великих вещей, которые нельзя было получить без величайших споров"[9] Сама всеобъемлемость его мер оказалась защитой Лициния. Если бы он предпочел только одно из этих требований, против него безоговорочно выступило бы подавляющее большинство патрициев. С другой стороны, он получил бы сравнительно сомнительную поддержку со стороны плебса. Если бы учитывались интересы только более бедных плебеев, они не были бы более активны и способны поддержать своего трибуна, в то время как более богатые люди перешли бы на другую сторону вместе с государственными арендаторами и частными кредиторами среди патрициев. Или, если бы дело обстояло иначе и законопроект, касающийся консульства, был выдвинут в одиночку, должники и бездомные граждане оказали бы ему слишком мало помощи руками или сердцами, чтобы обеспечить

его принятие в качестве закона. Поэтому большим стимулом для Лициния и Секстия должна была стать их уверенность в том, что они разработали свою реформу в достаточно широком масштабе. Как только законопроекты были внесены на рассмотрение, каждый из восьми их коллег наложил вето на их чтение. Двум трибунам ничего не оставалось делать, кроме как проявлять решительность и выжидать удобного случая для возмездия. На выборах военных трибунов в том же году Лициний и Секстий наложили вето[10] и не допустили голосования. Ни один магистрат не мог оставаться на своем посту после истечения срока полномочий, независимо от того, были ли избраны его преемники или нет. Сообщество оставалось без военных трибунов и консулов во главе, хотя вакантные места в конце концов были заполнены одним *интеррексом* за другим, назначенным сенатом для поддержания названия правительства и проведения выборов в тот момент, когда трибуны снимали вето или покидали свой пост. В конце года Лициний и Секстий были переизбраны, но с коллегами на стороне своих антагонистов. Через некоторое время после этого возникла необходимость дать ход другим выборам. Нависла угроза войны,[11] и, чтобы прийти на помощь своим союзникам, Лициний и Секстий сняли вето и на время прекратили свою оппозицию. Были выбраны шесть военных трибунов, три из либеральных и три из нелиберальных патрициев. Либералы, несомненно, получили все голоса плебеев, поскольку у них не было кандидатов. Они, по всей вероятности, воздержались от участия в выборах, законопроекты об упразднении которых были отложены. Они проявляли все большую склонность поддерживать Лициния и его коллегу, из года в год переизбирая их и в конце концов выбрав вместе с ними еще трех трибунов, выступавших за законопроекты. Перспективы этой меры стали еще более радужными после избрания Фабия Амбуста, тестя Лициния и его ревностного сторонника, в военный трибунал[12]. По-видимому, это был седьмой год после предложения законопроектов. Однако точно установить это невозможно. За этот долгий период борьбы Лициний кое-чему научился. Ему постоянно повторяли[13], что ни один плебей из всего сословия не годится для участия в эгидах и религиозных церемониях, полагающихся консулам. За три четверти века до этого те же возражения одолели усилия Кая Канулея. Лициний видел, что единственный способ победить этот аргумент - открыть для плебеев почетную должность *дуумвиров*, чьим долгом и привилегией[14] было обращаться к сивиллиным книгам для наставления народа в любое время сомнений и опасностей. Кроме того, они были председателями на празднике Аполлона, которому приписывали вдохновение священных книг Сивиллы и к которому относились с почетом и уважением. Для этого он выдвинул дополнительный законопроект, предлагавший избрание *децемвиров*[15]. Принятие этого законопроекта навсегда поставило бы точку, по крайней мере, в одном вопросе. Если он мог быть децемвиром, то мог быть и консулом. Этот законопроект был присоединен к трем другим, которые пока откладывались. Распри продолжались. Противоборствующие трибуны накладывали свои вето. Наконец, похоже, что все трибунские должности были заполнены сторонниками Лициния, и законопроекты, вероятно, должны были пройти, когда Камилл, диктатор, раздуваясь от гнева против законопроектов, триб и трибунов,[16] вышел на форум. Он приказал трибунам проследить, чтобы трибы больше не подавали голосов. Но те, напротив, приказали народу продолжать начатое. Камилл приказал своим ликторам разогнать собрание и объявить, что если хоть один человек задержится на форуме, диктатор призовет всех годных к службе и выступит из Рима. Трибуны приказали оказать сопротивление и заявили, что если диктатор немедленно не отзовет своих ликторов и не отзовет свое заявление, то они, трибуны, согласно своему праву, подвергнут его штрафу в пять раз большему, чем самая высокая ставка переписи, как только истечет срок его диктатуры. Это была не пустая угроза, и Камилл отступил, так справедливо побежденный, что тут же отрекся от престола под предлогом некачественной эгиды.[17] Плебеи разошлись, довольные своей победой. Но прежде чем они смогли вновь собраться, на них было оказано

определенное влияние, так что когда были представлены четыре законопроекта, были приняты только два, касающиеся земли и долгов. Это было не что иное, как тонкая инженерная работа патрициев, направленная на поражение всего движения, и ни к чему меньшему привести не могло. Лициний был разочарован, но не растерян. С насмешкой над эгоизмом и слепотой тех, кто голосовал только за то, что им больше всего хотелось, он призвал их обратить внимание на то, что они не смогут есть, если не будут пить[18]. Он отказался разделить законопроекты. Согласие на их разделение было бы равносильно согласию на разделение плебеев. Его резолюция прошла. В его поддержку выступили как либеральные патриции, так и плебеи. Умеренный патриций, родственник Лициния, был назначен диктатором, а член того же дома был выбран хозяином коня. Эти события доказывают, что либеральные патриции составляли большинство. Лициний и Секстий были переизбраны в десятый раз, в 366 г. н. э., доказав тем самым, что плебеи решили есть и пить[19].

Четвертый законопроект, касающийся децемвиров, был почти сразу же представлен трибам и проведен через них. Он был принят высшими собраниями и, таким образом, стал законом. Непонятно, почему этот законопроект был отделен от остальных, особенно когда Лициний заявил, что они не должны быть разделены. Возможно, это было сделано для того, чтобы сгладить путь для трех других, более весомых, особенно для законопроекта о консульстве.[20] Здесь, по-видимому, был перерыв, вызванный вторжением галлов.[21] Как только оно закончилось, борьба началась снова. Племена собрались. "Будете ли вы принимать наши счета?" - в последний раз спросили Лициний и Секстий. "Будем", - был ответ. Однако в условиях более жестоких конфликтов, чем те, что возникали до сих пор, законопроекты наконец стали законами[22].

Чтобы оценить последствия революции, совершенной Лицинием и Секстием, потребуется вся последующая история Рима; но непосредственное действие их законов не могло не вызвать разочарования у их создателей и сторонников. Мы почти ничего не можем сказать о том, как относились к децемвирам. Священнические одежды, должно быть, казались плебею небывалой честью. В течение десяти лет соблюдался закон о консульстве, после чего он периодически[23] нарушался, но все же его можно назвать успешным. Законы[24] о льготах, как и положено всем подобным сумасбродным постановлениям, были нарушены с самого начала. Никакого общего изъятия общественной земли у тех, кто занимал более пятисот[25] югеров, никогда не происходило. Следовательно, не было и общего раздела земли между сословием лаклендов. Противоречивые претензии и зависть со стороны бедняков, должно быть, немало затрудняли и мешали исполнению закона. Не существовало и системы землеустройства, позволяющей различать *ager publicus* и *ager privatus*. Сам Лициний Столо впоследствии был осужден за нарушение собственного закона.[26] Закон о долгах встретил те же самые препятствия. Причины стеснения и бедности, оставаясь во многом теми же и ненарушенными, вскоре воспроизвели последствия, которые не могли эффективно устранить ни уменьшение процентов, ни выплата основной суммы долга. Однако мы не намерены выражать сомнение в том, что постановления Лициния, какими бы они ни были, могли принести пользу мелким фермерам и поденщикам[27] и принесли ее многим. В период, последовавший за принятием закона, власти с некоторым интересом и строгостью следили за соблюдением его правил и часто приговаривали к крупным штрафам владельцев больших стад и захватчиков общественных владений[28], но в основном богатые становились еще богаче, а бедные и подлые - еще беднее и презреннее. Такова была свобода римлянина. Для бедных и нищих не существовало никаких средств, чтобы вернуть их нищету и деградацию.

Таким образом, эти законы практически не повлияли на решение домениального вопроса и перераспределение земли. Они не оправдали очевидных надежд их автора на объединение плебеев в единое политическое тело. Это было невозможно. Что они сделали, так это разрушили и практически упразднили патрициат.[29] Отныне римский народ делился только на богатых и бедных.

- [Сноска 1: Livy, VI, 34].
- [Сноска 2: Livy, VI, 35: "unam de aere alieno, ut deduco eo de capite, quod usuris pernumeratum esset, id, quod superesset, triennio aequis portionibus persolveretur"].
- [Сноска 3: Livy, VI, 35; Niebuhr, III, p.16; Varro, De R.R., 1: "Nam Stolonis illa lex, quae vetat plus D jugera habere civem Romanorum." Livy, VI, 35: "alteram de modo agrorum, ne quis plus quingenta jugera agri posideret". Marquardt u. Momm., *Röm. Alterthümer*, IV, S. 102].
- [Footnote 4: Appian, *De Bello Civile*, I, 8.]
- [Сноска 5: Livy VI, 35; см. Momm., I, 382; Duruy, *Hist. des Romains*, II, 78].
- [Сноска 6: Livy, VI, 37.]
- [Сноска 7: Livy, VI, 35: "creatique tribuni Caius Licinius et Lucius Sextius promulgavere leges adversus opes patriciorum et pro commodis plebis."]
- [Footnote 8: Ihne, I, 314.]
- [Сноска 9: Livy, VI, 35: "Cuncta ingentia, et quae sine certamine obtineri non possent."]
- [Сноска 10: Livy, VI, 35.]
- [Сноска 11: Livy, VI, 36.]
- [Сноска 12: Livy, VI, 36. Fabius quoque tribunis militum, Stolonis socer, quarum legum auctor fuerat, earum sua].
- [Сноска 13: Livy, *loc. cit.*]
- [Сноска 14: Appian, *De Bell. Civ.*, I, 9].
- [Сноска 15: Momm., I, 240: "decemviri sacris faciundis." Lange, *loc. cit.*]
- [Сноска 16: Livy, VI, 38; Momm., *loc. cit.*]
- [Сноска 17: Livy, VI, 38; Momm., *loc. cit.*]
- [Сноска 18: Дион Кассий, Фрагмент, XXXIII, с примечанием Реймера].
- [Сноска 19: Livy, VI, 42].
- [Сноска 20: Livy, VI, 42: et comitia consulum adversa nobilitate habita, quibus Lucius Sextius de plebe primus consul factus].
- [Сноска 21: Livy, *loc. cit.*]
- [Сноска 22: Livy, VI, 42; Ovid, *Faustus*, I, 641, seq..:

"Furius antiquam populi superator Hetrusci
Voverat et voti solverat ante fidem
Causa quod a patribus sumtis secesserat annis
Vulgus; et ipsa suas Roma timebat opes"].

- [Сноска 23: Momm., I, 389].
- [Сноска 24: Momm., I, 384.]

- [Footnote 25: Arnold, *Roman History*, II, 35; Ihne, *Essay on the Roman Constitution*, p. 72. Ihne, *Roman Hist.*, I, 332-334. Лонг, I, гл. XI. Lange, *loc. cit.*]
- [Footnote 26: Livy, VII, 16: "Eodem anno Caius Licinius Stolo a Marco Popillio Laenate sua legi decem milibus aeris est damnatus, quod mille jugerum agri cum filio possideret, emancipandoque filium fraudem legi fecisset."
Аппиан, *Bell. Civ.*, 1, 8; "την γην ες τους οικειους επι υποκρισει διενεμον"
(Аппиан, *Bell. Civ.*, 1, 8; "*taen gaen es tous oikeious epi upokrisei dienemon.*")].
- [Сноска 27: Momms., I, 389].
- [Сноска 28: Momms., I, 389,390].
- [Сноска 29: Momms., I, 389, 390.]

СЕК. VIII. - АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 367 И 133 ГОДАМИ.

Первое аграрное движение после принятия *lex Licinia* произошло в 338 году, после битвы при Везерисе, в которой латиняне и их союзники были полностью побеждены. Согласно Ливию,[1] несколько народов, участвовавших в этом восстании, лишились части своей земли, которая была разделена между плебейми. Каждый плебей, получивший надел на территории латинян, получил 2 кувшина, в Привернуме - $2\frac{3}{4}$, а в Фалернах - по 3 кувшина (р. 252). Такое распределение домениальных земель, по-видимому, было спонтанным со стороны сената. Однако она привела к серьезным последствиям, так как латиняне, возмущенные тем, что их лишили земель, снова прибегли к оружию. Кроме того, плебеев подтолкнул к восстанию консул Аэмилиий, который был отчужден от патрициев тем, что они отказали ему в триумфе, и теперь стремился задобрить общинников, вызвав их недовольство скудными наделами. Закон, однако, был приведен в исполнение и тем самым показал, что сенат соглашался с законами и даже инициировал их, если они никак не затрагивали их владения, а касались только только что завоеванной территории.

Аграрный закон Курия. Помимо распределения *ager publicus*, которые легли в основу многочисленных колоний этого периода и которые будут рассмотрены в соответствующем месте, следующим аграрным движением было движение Курия Дентата. В конце третьей Самнитской войны народ находился в тяжелом положении, так как сельскохозяйственные работы были сильно нарушены из-за непрекращающихся войн. Теперь, казалось, появилась возможность исправить ситуацию. У самнитов и сабинян были отняты большие участки земли, и теперь они находились в распоряжении римского государства для колонизации и распределения между обедневшими гражданами. В 287 году[3] Маний Курий Дентат, плебейский консул этого года и герой третьей Самнитской войны, внес законопроект. Он предлагал наделить граждан земельными участками в Сабинской стране по семь югеров[4] каждый. Несомненно, этот законопроект встретил сильную оппозицию, но нам не сообщили

о причинах. 5) Однако можно с уверенностью заключить, что речь шла о том, следует ли выделять землю с полным правом собственности в районах, которые крупные землевладельцы желали держать открытыми для занятия, чтобы пасти там стада. Сенат и нобилитет так яростно выступали против этого плана, что плебеи, отчаявшись в успехе, удалились в Яникул и только под угрозой войны согласились на предложения Квинта Гортензия.[6] Этим шагом был принят *lex Hortensia*[7] и, несомненно, в то же время был принят *agraria lex*, хотя об этом ничего определенного не известно. Народ должен был быть умиротворен каким-то другим способом, нежели простое предоставление большей политической власти. Ничто иное, как доля завоеванной территории, не удовлетворило бы их и не побудило бы вернуться и снова взять на себя бремя войны.

Lex Flaminia. Через пятьдесят четыре года после принятия закона Курия Дентата, в 232 году, трибун Кай Фламиний,[8] человек, который впоследствии был консулом и пал в кровавой битве на Тразименском озере, выдвинул и провел закон о распределении *Gallicus Ager*[9] между плебеями. Эта территория[10] была отнята у галлов-семнонов пятьдесят один год назад и теперь использовалась как пастбище несколькими большими римскими семьями. Эта территория лежала к северу от Пиценума и простиралась до Ариминума[11] (Римини). Это была прекрасная возможность наделить землей римских ветеранов за военные заслуги и таким образом создать большое количество мелких хозяйств, а не оставлять землю во владении богачей, которые проживали в Риме и, следовательно, не создавали пограничной защиты от вторжения варваров с севера. Выделяя землю, латинская раса и латинский язык помогли бы романизировать территорию, уже завоеванную римским оружием. Единственное, что этому противостояло, - владение землей аристократией. Но они не имели законных прав на землю и могли быть лишены ее без каких-либо компенсаций. Сенат изо всех сил противился этой мере и, после того как все другие средства не помогли, пригрозил послать армию против трибуна, если он проведет свой законопроект через трибы. Они также побудили его отца использовать свой *potestas* для сдерживания сына.[12] Когда Фламиний выносил законопроект на решение, его арестовал отец. "Спустишь, я прошу тебя", - сказал отец. И сын, смиренный "частной властью"[13], повиновался. В конце концов плебеям пришлось выступить против формального конституционного права и добиться принятия *agraria lex* голосованием собрания племен без предварительного решения или последующего одобрения сената.[14] Полибий относит к этому времени изменения к худшему в римской конституции.[15] Облегчению положения плебеев способствовало основание[16] новых колоний.

В 200 году, после возвращения Сципиона, завоевавшего Карфаген, сенат постановил выделить ему земли для солдат, но Ливий не говорит, где они должны были быть выделены: в древнем *ager publicus* или на территории Карфагена, Сицилии или Кампании, *то есть* в новых завоеваниях Рима. Он лишь говорит, что за каждый год службы в Испании или Африке солдаты должны были получать по две югеры, и что[17] распределением должны были заниматься *деценвиры*. Несмотря на недостаточность этих деталей, отрывок раскрывает нам два важных факта:

1. Деценвиры, как и триумвиры, иногда назначались для распределения домениальных земель в соответствии с положениями аграрного закона.
2. Это свидетельствует о глубоких изменениях, которые претерпели римские обычаи. Богатства, которые в это время начали стекаться в Рим благодаря многочисленным успешным войнам, произвели революцию в экономических условиях города. Не стоит видеть в этой склонности всех классов стремиться к богатству, к роскоши и легкости только доказательство коррупции. Необходимо также учитывать, что комфорт стал более

доступным, а цены на все, особенно на предметы первой необходимости, выросли. Вследствие этого солдатам было трудно содержать себя на свое жалование. Подарки в несколько сестерций, выданные им в качестве призовых денег, никак не могли служить достаточной компенсацией за все те страдания и лишения, через которые они прошли за время своего долгого отсутствия. Единственным средством вознаграждения за военные заслуги были земельные пожалования. Это первый найденный нами пример того, как солдат награждали таким образом, и он положил начало обычаю, который стал наиболее частым, особенно во времена империи. После завоевания Италии, которое последовало за экспедицией Пирра, римляне оказались втянуты в длинную череду внешних войн; Сицилия стала ступенькой к Африке, Африка - к Испании; все эти страны стали римскими провинциями. Как только закончилась вторая Пуническая война, Ганнибал заключил союз с царем Македонии. На востоке поднялась туча войны[18]. Этолийцы просили помощи у Рима, и государственные деятели могли предсказать, что римским войскам будет невозможно не вмешаться в дела Греции и Македонии. Но эти страны издревле были теснейшим образом связаны с Востоком, *то есть* с Азией, где все еще правили Селевкиды, так что война с Грецией, которая была неизбежна, не могла не повлечь за собой войну с преемниками Александра, и, начав эти военные действия, кто мог сказать, где прекратятся эти случайности войны или когда римское оружие может быть отложено? В таком критическом состоянии было разумно привязать солдат к республике самыми тесными узами и интересами, сделать их собственниками и обеспечить пропитание их семьям во время долгого отсутствия. Эти войны мало напоминали войны ранней республики, где театром военных действий были страны, расположенные в непосредственной близости от Рима.

Сенат продолжал брать на себя инициативу в аграрных движениях. В 172 году, после окончания войн с лигурийцами и галлами, мы снова видим, как сенат спонтанно принимает решение о новом разделе земель. Часть территории Лигурии и Цизальпинской Галлии была конфискована, и *сенатский консилиум* распорядился раздать эти земли общинам. Претор города А. Атилий был уполномочен назначить *децемвиров*, имена которых приводит Ливий, чтобы выделить десять югеров римским гражданам и три югера латинским[19] союзникам. Таким образом, сенат с новорожденной проницательностью сделал бесполезными требования трибунов и признал справедливость и полезность аграрных законов, против которых он так долго протестовал. Более того, он оправдал предложения первого автора аграрного закона, допустив к доле в завоеванных землях латинских союзников, которые так часто способствовали их росту. Это последний аграрный закон, о котором упоминает Ливий. В этом же году началась Персидская война, и рассказ о ней заполняет все остальные дошедшие до нас книги этого автора. Однако до предложения Тиберия Гракха мы находим у Варро[20] упоминание о новом наделении земель в семь югеров *виристов*, сделанном трибуном по имени Лициний в 144 году; но автор так скупо упоминает о нем, что мы не можем определить, где находились эти земли. Если мы присоединим к этим фактам уступку общественных территорий кредиторам государства в 200 г., мы упомянем все аграрные законы и раздачи территорий, которые имели место до принятия *lex Sempronia Tiberiana* в 133 г.

Состояние страны во время Гракханских рогадий. В период между 367 и 133 годами мы не находим сведений о серьезных спорах между патрициями и коммунами. Более того, сенат обычно брал на себя инициативу в принятии народных мер; земли присваивались без каких-либо требований со стороны плебеев. Но нас не должна обманывать эта кажущаяся гармония. В разгар этого кажущегося спокойствия в римском обществе происходили радикальные перемены. Прежде чем понять ротации Гракхов, необходимо понять это новое положение дел в республике.

Одна из самых больших опасностей для республики в это время проявилась в притязаниях[21] италиков. Эти люди проливали свою кровь за Рим; они внесли большой вклад, чем сами римляне, в осуществление тех стремительных завоеваний, которые после покорения Италии быстро расширили власть Рима. Чем же они были вознаграждены? После того как прекратились страшные опустошения, постигшие Италию во время Ганнибаловой войны, италийские союзники оказались разоренными. В то время как Лаций, где проживала основная часть старых гражданских племен, пострадал сравнительно мало, значительная часть Самния, Апулии, Кампании, а особенно Лукании и Бруттия, была почти обезлюжена; римляне, наказывая неверных "союзников", действовали с беспощадной жестокостью.[22] Когда, наконец, был заключен мир, большие территории оказались невозделанными и необитаемыми. Эти территории, либо конфискованные у союзников за участие в войне с Ганнибалом, либо покинутые колонистами, раздули *ager publicus* Рима и были либо отданы ветеранам[23], либо заняты римскими капиталистами, увеличив тем самым доходы нескольких вельмож.

Если нация находится в здоровом политическом и экономическом состоянии, когда восстановительной силе природы не мешают дурные ограничительные законы, то опустошение земель и человеческие жертвы быстро восстанавливаются. Тем более мы могли бы ожидать этого в столь благоприятном климате и на столь плодородной почве, как в Италии. Но римские законы настолько ограничивали право купли-продажи земли, что в каждой итальянской общине никто, кроме членов этой общины или римских граждан, не мог[24] покупать или наследовать. Это ограничение свободной конкуренции, дававшее преимущество римским гражданам, само по себе было достаточным, чтобы разрушить процветание каждого италийского города. Этот закон действовал постоянно и незаметно и привел к тому, что год от года все большее количество земли Италии оказывалось в руках римской аристократии[25]. Чтобы смягчить зло завоевания или хотя бы скрыть условия рабства, римляне наделили часть италиков титулом союзников, а других - привилегиями *муниципиев*. 26 Эти привилегии были очень искусно объединены в интересах Рима, но это умение не помешало народу понять, что они зависят от желания завоевателей и, следовательно, являются не правами, а всего лишь милостями, которые могут быть отменены по желанию. Латины, которые были первым народом, завоеванным Римом, и которые почти всегда оставались верными, пользовались под названием *jus Latii* значительными привилегиями. Они обладали значительной[27] частью гражданских и политических прав римских граждан. За особые заслуги они могли в индивидуальном порядке стать римскими гражданами и таким образом получить полное *jus Romanum*. Были и другие народы, которые, будучи чужими в Лациуме, были допущены, благодаря своим заслугам[28] перед Римом, к участию в благах *jus Latii*. Другие народы, допущенные лишь к *jus Italicum*, не пользовались ни гражданскими, ни политическими правами римских граждан, ни привилегиями латинских[29] союзников; в лучшем случае они сохраняли некоторые сувениры своей ушедшей независимости в своем внутреннем управлении, но в остальном считались подданными Рима. И все же именно ради возвеличивания этого города они проливали свою кровь на всех полях сражений, которые было угодно выбрать Риму; именно ради славы и расширения римской власти они получили эти завоевания, в которых не имели никакой доли. Некоторые из них, попытавшиеся восстановить свою независимость, не получили даже скромных привилегий других жителей Италии, а были низведены до состояния префектур. Они рассматривались как провинции и управлялись префектами или проконсулами, присланными[30] из Рима. К ним относились Капуя, Бруттий, Лукания, большая часть Самния и Цизальпийская Галлия, которая, правда, даже не считалась частью Италии. Те, кто без сопротивления подчинился господству римлян и оказал им

определенные услуги, получили титул *муниципий*. 31] Эти *муниципии* управлялись самостоятельно и делились на два класса:

(1.) *Municipia sine suffragio*, например, Каэра и Этрурия, имели только внутренние привилегии; их жители не могли голосовать в Риме и, следовательно, не могли[32] участвовать в осуществлении суверенитета.

(2.) *Municipia cum suffragio*, помимо политических и гражданских прав, имели важное право голоса[33] в Риме. Эти граждане деревень имели тогда, как сказал Цицерон о гражданах Арпинума, два государства, одно *ex natura*, другое *ex jure*. Наконец, на юге Италии, *то есть* в Магна-Грации, было несколько городов, получивших[34] название городов-федератов. Они не казались подвластными Риму; их контингенты людей и денег рассматривались как добровольные[35] дары; но в действительности они находились под властью Рима и имели в Риме защитников или покровителей, избранных благодаря их влиянию на римских граждан и призванных поддерживать их интересы. Такова была система, принятая в Риме. На расстоянии нескольких миль человек мог легко найти деревни с *правом латинов*, другие - с *правом италиков*, колонии, префектуры, муниципалитеты *cum et sine suffragio*. Цель римлян была очевидна. Они планировали управлять. Города, схожие по интересам и патриотическим мотивам, были разделены этим разнообразием прав и вытекающими из него завистью и ненавистью. Согласие, необходимое для любого объединенного и всеобщего восстания, стало невозможным между городами, одни из которых были объектом зависти, другие - жалости. Кроме того, их положение было таково, что все, даже самые удачливые, могли что-то выиграть, показав себя верными; и всем, даже самым жалким, было чего опасаться, если они не окажутся сговорчивыми. Эти италики, со всеми разнообразными привилегиями и тяготами, перечисленными выше, значительно превосходили римских граждан.[36] Сравнение цифр переписи 115 года и переписи 70 года показывает, что число италиков и римлян было[37] как три к двум. Все эти италики стремились к римскому гражданству, к избирательному праву, к которому были допущены некоторые из них, и уже началась борьба, которая должна была закончиться их полной эмансипацией. В первые века римской истории Рим делился на два сословия - патрициев и плебеев. Плебеи героическими усилиями преодолевали барьеры, отделявшие их от патрициев. Привилегия брака, возможность занимать высшие должности в государстве, замена двух других собраний *трибутной комиссией* не сделали из Рима "разнузданную демократию", но все эти преимущества, полученные благодаря агитации трибунов, все далеко идущие успехи, достигнутые силой законов, а не оружия, составили в Риме единый народ и создали настоящую римскую нацию. Теперь в Риме были только богатые и бедные, знатные и пролетарии. Обладая умом и способностями, плебей мог стремиться к магистратуре, а затем и к сенату. Почему бы италийцам не получить такую же привилегию? Не было ни справедливости, ни равенства, ни даже благоразумия лишать их равенства прав и совместного осуществления гражданской[38] и политической свободы. Гракхи первыми осознали изменившееся положение дел и результат римского завоевания и управления в Италии. Их требования в пользу италиков были глубоко политическими. Италийцы с оружием в руках потребовали бы от Гракхов то, что они просили, если бы не эта попытка. Они потерпели неудачу; Фульвий[39] Флакк, Марий[40] и Ливий Друз[41] потерпели неудачу в той же попытке, поскольку им противостояли и аристократия, и плебс.

Аграрные законы, как мы видели, были предложены сенатом в рассматриваемый нами период. Как же так получилось, что Гракхи были вынуждены взять на себя инициативу, а сенат выступил против них? Это противоречие скорее кажущееся, чем реальное. Оно во многом объясняется следующими соображениями. После разрушения сословной

аристократии, патрициата, в сенат получили доступ плебеи, которые занимали курульные магистратуры и обладали 800 000 сестерций. Рыцари также имели право входить в сенат для заполнения вакансий, и именно этот факт стал причиной того, что конный орден стал называться *seminarium senatus*. В течение некоторого времени новые вельможи, чтобы укрепить свою победу и сделать ее постоянной, заключили союз с плебеями. По этой причине были сделаны уступки и раздачи земель, которым старые сенаторы не смогли помешать. Эти уступки были делом рук плебеев, которые были допущены в сенат. Но когда их положение упрочилось и им больше не нужно было идти на уступки коммунам, чтобы прокормить себя, они проявили те же страсти, что и патриции до них. Ливий выразил ситуацию очень четко: "Эти знатные плебеи были посвящены в те же тайны и презирали народ, как только их самих перестали презирать патриции"[42] Таким образом, единство и слияние, установленное трибунскими законами, исчезло, и снова существовали два народа - богатые и бедные.

Если мы разберемся в элементах этих двух разных групп населения, разделенных гордостью богатства и страданиями и деградацией бедности, то поймем следующее. Новое дворянство частично состояло из потомков древних патрицианских родов, которые приспособились к изменениям и преобразованиям в обществе. Некоторые из них приняли идеи реформ; они льстили низшим классам, чтобы получить власть; они извлекали выгоду из своих консульств и префектур, чтобы увеличить или, по крайней мере, сохранить свои состояния. Другие, обладавшие деловыми способностями, предавались собиранию богатств, ростовщичеству, которое в это время занимало главное место среди римлян. Даже Катон был ростовщиком и рекомендовал ростовщичество как средство приобретения богатства. Или же они занимались огромными спекуляциями с землей, торговлей и рабами, как это сделал Красс немного позже. Первый упомянутый класс был наименее многочисленным. К знати, уделявшей внимание добыванию денег, следует добавить плебеев, которые возвысились из массы благодаря курульным магистратурам[43]. Они были наглы и корыстолюбивы и жадно стремились увеличить свое богатство любыми доступными им средствами. Рядом с этими двумя категориями знати стояли те, кого патриции были склонны презирать и низводить до самого низкого ранга под именем *aerarii*; купцы,[44] фабриканты, банкиры и фермеры, получавшие доходы. Эти люди были могущественны благодаря своему союзу и общности интересов, а также деньгам, которыми они распоряжались. Они образовали третий орден и даже стали настолько могущественными, что контролировали сенат, а иногда и всю республику. Во время Пунических войн сенат был вынужден оставить безнаказанными преступления, совершенные мытарем Постумием, и средства, которые он использовал для обогащения за счет республики, потому что оскорблять орден мытарей было неосмотрительно[45]. Образовав таким образом орден или гильдию, они по своему усмотрению распоряжались деньгами, предназначенными для ведения войн или поддержания общественного кредита. Таким образом, они были хозяевами государства. Они также завладели государственными землями, поскольку могли распоряжаться таким богатством, что ни один человек не мог с ними конкурировать. Таким образом, они стали единственными фермерами на домениальных землях и без колебаний перестали платить за них все налоги. Кто мог потребовать с них эту ренту? Сенат? Но они либо составляли сенат, либо контролировали его. Магистраты? Не было никакой магистратуры, кроме той, что занималась богатством. Трибуны и народ? Их они обезоружили частыми раздачами земель от двух до семи югеров каждая и основанием многочисленных колоний. В этом, несомненно, заключалась истинная причина их частых раздач. Все они были сделаны из недавно завоеванных земель. Древний *агер* не был тронут, и мало-помалу закон Лициния пришел в упадок.

- [Сноска 1: Livy, VIII, 11, 12].
- [Сноска 2: Ihne, I, 447].
- [Сноска 3: Я следую за Ине и Арнольдом в указании этой даты, но есть основания для того, чтобы поместить ее позже, поскольку Валерий Максим говорит, IV, 3,5: "Manius Curius cum Italia Pyrrhum regem exegisset ... decretis a senatu septenis jugeribus agri populo."]
- [Сноска 4: "Manii Curii nota conscio est, perniciosum intellegi civem cui septem jugera non essent satis." Плиний, *Hist. Nat.*, XVIII.; Aurelius Victor, *De Viris Illus*: Septenis "jugeribus viritim dividendis, quibus qui contentus non esset, eum perniciosum intellegi civem, nota et praeclare concione Manius Curius dictitabat." Тот же автор говорит о четырех кувшинах, подаренных Курием: "Quaterna dono agri jugera viritim populo dividit". Ювенал подразумевает раздачу двух кувшинов; Sat. XIV, V, 161-164:

"Mox etiam fructis aetate, ac Punica passis
Proelia vel Pyrrhum immanem glacosque Molossos,
Tandem pro multis vix jugera bina dabantur
Vulneribus Merces ea sanguinis atque labores".

- [Сноска 5: Appian, III, 5; Zonarius, VIII, 2].
- [Сноска 6: Ihne, I, 447].
- [Сноска 7: Gellius, XV, 27: "Postea lex Hortensia late, qua cautum est, ut plebisipa universum populum tenerent." Marquardt u. Momm., *Röm. Alter.*, IV, 102].
- [Сноска 8: Polyb., II, 21, 8.]
- [Сноска 9: Varro, *De R.R.*, I, 2; *De L.L.*, VI, 5].
- [Сноска 10: Ihne, IV, 26. См. Long, I, 157, который оспаривает это утверждение].
- [Сноска 11: Varro, *De R.R.*, I, 2.; *De L.L.*, VI, 5].
- [Сноска 12: Val. Max., V, 4, 5].
- [Сноска 13: 1 Val. Max., V, 4, 5; Cicero, *De Juventute*, II, 17].
- [Сноска 14: Ihne, IV, 26; Cicero, *De Senectute*, 4].
- [Сноска 15: Polybius, II, 21.]
- [Сноска 16: Ливий, *Epit.*, XX, 19].
- [Сноска 17: "De agris militum ejus decretum, ut quod quisque eorum annos in Hispania aut in Africa militasset, in singulos annos bina jugera acciperet, eum agrum decemviri assignarent." Livy, XXXI, 19.]
- [Сноска 18: Momm., II, 230-241].
- [Сноска 19: Livy, XLII, 4: "Eodem anno, quum agri Ligustini et Gallici, quod bello captum erat, aliquantum vacaret, senatus-consultum factum ut is ager viritim ex senatus consulto creavit A. Atilius praetor urbanus.... Diverserunt dena jugera in singulos, sociis nominis Latini terna"].
- [Footnote 20: Ihne, IV, 370.]
- [Сноска 21: Livy, XXXI, 4, 1; Ihne, IV, 370-372].
- [Сноска 22: Livy, XXXI, 4, 1; Ihne, IV, 370-372].
- [Сноска 23: Livy, *loc. cit.*]
- [Сноска 24: Ihne, IV, 148].

- [Сноска 25: Ihne, IV, 371].
- [Сноска 26: Ihne, IV, 354; Momm., III, 277].
- [Сноска 27: Momm., I, 151-162; Ihne, IV, 179. Marquardt u. Momm., IV, 26-27, 63].
- [Сноска 28: Livy, IX, 43, 23; Ihne, IV, 181].
- [Сноска 29: Ihne, IV, 185-186. Marquardt u. Momm., 46, 60].
- [Сноска 30: Marquardt u. Momm., IV, 41-43].
- [Сноска 31: Ibid, IV, 26.]
- [Сноска 32: Marquardt u. Momm., IV, 27-34].
- [Сноска 33: Там же].
- [Сноска 34: Marquardt u. Momm., IV, 44].
- [Сноска 35: Marquardt u. Momm., IV, 45-46].
- [Сноска 36: Momm., *Röm. Ge.*, II, 225].
- [Сноска 37: Ihne, IV, 370.]
- [Сноска 38: Momm., Lange, Ihne, Long-as given].
- [Сноска 39: Momm., III, 132.]
- [Сноска 40: Momm., III, 252, 422].
- [Сноска 41: Momm., III, 281.]
- [Сноска 42: Livy, XXII, 34.]
- [Сноска 43: Ihne, IV, 354-356.]
- [Сноска 44: Ihne, IV, 354-356.]
- [Сноска 45: Livy, XXV, 3: "Patres ordinem publicanorum in tali tempore offensum nolebant."]

(а) - Расширение территории путем завоевания в период с 367 по 133 гг.

1. Каэр подчинился в 353 году, уступив Риму всю южную Этрурию.
2. Территория Вольциев и весь Лациум отошли к Риму после окончания Латинской войны в 339 году.
3. Капуя, взятая в 337 году.
4. Калес, взятый в 334 году. В этой борьбе вся Кампания стала римской территорией.
5. Сабинская территория, покорившаяся в 290 году.
6. Тарентум, захваченный в 272 году.

7. Региум, захваченный в 270 году.

8. Галлы Сеноны были уничтожены в 283 году, а вся их территория (Умбрия) была конфискована.

9. В 293 году к Римской конфедерации были присоединены Лигурия и Транспаданская Галлия.

10. В 222 году Италия была расширена до своей естественной границы, Альп, за счет покорения галлов к северу от По. Из всей территории Италии, 93 640 квадратных миль, третья часть принадлежала Риму. Таким образом, за 287 лет существования Республики римская территория увеличилась со 115 до 31 200 квадратных миль.

В конце войны с Ганнибалом Рим еще больше увеличил свою территорию, конфисковав большую часть галльской территории, Кампанию, Самниум, Апулию, Луканию и Бруттий.

(b) - Колонии, основанные между 367 и 133 гг.

(a). ГРАЖДАНСКИЕ КОЛОНИИ.

КОЛОНИИ.	МЕСТО.	ДАТЫ ДО Н.Э.	НЕТ. КОЛОНИЙ.	РАЗМЕР АССИГНОВ АНИЙ.	ЮГЕРА.	АКРОВ.
Антиуим.	Латиум.	338	300	2	600	375
Анксур.	"	329	300	2	600	375
Минтурнэ.	Кампания.	296	300	2	600	375
Синуэсса.	"	296	300	2	600	375
Сена	Умбрия.	283	300	6	1,800	1,125
Галлика.	Пиценум.	283	300	6	1,800	1,125
Каструм	Умбрия.	247	300	6	1,800	1,125
Новум.	Этрурия.	247	300	6	1,800	1,125
Aesium.	"	245	300	6	1,800	1,125
Альсиум.	"	191	300	6	1,800	1,125
Fregeneae.	Кампания.	194	300	6	1,800	1,125
Пирги.	"	194	300	6	1,800	1,125
Путеолы.	"	194	300	6	1,800	1,125
Вольтурнум	Лукания.	194	300	6	1,800	1,125
.	Кампания.	194	300	6	1,800	1,125
Литернум.	"	194	300	6	1,800	1,125
Буксентум.	Бруттии.	194	300	4	1,200	750
Салернум.	"	194	300	4	1,200	750

Сипонтум.	Пиценум.	184	300	6	1,800	1,125
Темпса.	Умбрия.	184	300	6	1,800	1,125
Кротон.	Галлия.	183	1,000	6	6,000	3,750
Potentia.	Цизальп.	183	1,000	6	6,000	3,750
Пизаурум.	" "	183	300	6	1,800	1,125
Парма.	Этрурия.	181	300	5	1,500	938
Мутина.	"	173	300	6	1,800	1,125
Сатурния.	"	157	300	6	1,800	1,125
Graviscae.	Пиценум.					
Luna.						
Auximum.						

Всего..... 38,900 30,500

(b). ЛАТИНСКИЕ КОЛОНИИ.

КОЛОНИИ.	МЕСТО.	ДАТЫ.	НЕТ. К.	РАЗМЕР АССИГНОВАНИЙ.	ЮГЕРА.	АКРОВ.
Calles.	Кампания.	334	300	4	1,200	750
Фрегеллы.	Лациум.	328	300	4	1,200	750
Лукерия.	Апулия.	314	300	4	1,200	750
Суэсса.	Латиум.	313	300	4	1,200	750
Pontiae.	Остров	313	300	4	1,200	750
Saticula.	Латиум.	313	300	4	1,200	750
Сора.	Самниум.	312	4,000	4	16,000	10,000
Альба.	Латиум.	303	6,000	6	36,000	22,500
Нарния.	"	299	300	6	1,800	1,125
Карсеоли.	Умбрия.	298	4,000	6	24,000	15,000
Венусия.	Сабини.	291	300	6	1,800	1,125
Хатрия.	Апулия.	289	300	6	1,800	1,125
Коза.	Пиценум.	273	1,000	6	6,000	3,750
Паэстум.	Кампания.	273	300	6	1,800	1,125
Ариминум.	Лукания.	268	300	6	1,800	1,125
Беневенту	Агр.	268	300	6	1,800	1,125

м.	Галликус.	264	300	6	1,800	1,125
Фирмум.	Самний.	263	300	6	1,800	1,125
Эзерния.	Пиценум.	244	300	6	1,800	1,125
Брундизий.	Самниум.	241	300	6	1,800	1,125
Сполетиум.	Калабрия.	218	6,000	6	36,000	22,500
Кремона.	Умбрия.	218	6,000	6	36,000	22,500
Плаценция	Галлия.	193	300	6	1,800	1,125
.	"	192	3,000	6	18,000	11,250
Копий.	Лукания.	181	4,500	6	27,000	16,875
Бонония.	Галлия.					
Аквилея.	"					

Всего.....	226,000	141,250
Гражданские колонии	38,900	30,500
Итого	264,900	171,750
		или
		268,36 кв. миль.

- [Сноска 1: Я не включил сюда римские завоевания за пределами полуострова Италия, поскольку эти завоевания не рассматривались как римская территория до почти столетия спустя].

"Разграбив мир в качестве преторов или консулов во время войны, вельможи снова грабили своих подданных в качестве губернаторов в мирное время;[1] а вернувшись в Рим с огромными богатствами, они использовали их, чтобы превратить скромное наследие своих отцов во владения, огромные как провинции. В виллах, которые они имели обыкновение окружать лесами, озерами и горами... там, где раньше спокойно жила сотня семейств, теперь было ограничено одно. Чтобы увеличить свой парк, знатный человек покупал за небольшую цену хозяйство старого раненого солдата или крестьянина, обремененного долгами, который спешил растратить в тавернах Рима те крохи золота, которые ему достались. Часто он забирал землю, ничего не заплатив.[2] Один древний писатель рассказывает о несчастном, который ввязался в тяжбу с богачом из-за того, что тот, обеспокоенный пчелами бедняка, своего соседа, уничтожил их. Бедняк протестовал, что хотел бы уехать и завести свои рои в другом месте, но нигде не мог найти маленького поля, где бы у него снова не было соседа-богача. У набобов того времени, говорит Колумелла, были владения, которые они не могли объехать на лошади за день, а надпись, недавно найденная в Витербе, показывает, что акведук длиной в десять миль не пересекал земли новых владельцев..... Мелкое поместье постепенно исчезло с почвы Италии, а вместе с ним и крепкие рабочие руки..... Спурий Лигустин, центурион, после двадцати двух походов, в возрасте более пятидесяти лет, имел для себя, своей жены и восьми детей не более югера земли и хижину"[3].

К этому мастерскому очерку, процитированному Дуруи, мы можем добавить лишь несколько фактов. Плиний утверждает, что при Нероне только шесть человек владели половиной Африки[4]. Сенека, который сам обладал огромным состоянием, говорит о богатых людях своего времени, что они не довольствовались землями, которые раньше поддерживали целый народ; они были склонны поворачивать русло рек, чтобы провести их через свои владения. Они[5] хотели даже охватить моря в пределах своих обширных владений. Здесь, правда, мы должны сделать некоторую поправку на риторику. Так и в сочинениях Петрония следует сделать некоторую поправку на сатиру, где он представляет секретаря Трималхия, составляющего отчет о том, что произошло за один день на одной из ферм последнего близ Кум. Здесь 7 июля родилось 30 мальчиков и 40 девочек, было собрано 500 000 бушелей пшеницы и запряжено 500 волов. Далее писарь рассказывает, что в *садах Помпея* недавно случился пожар, но Трималхия он перебивает его, спрашивая, когда *сады Помпея* были куплены для него, и сообщает, что они находятся в его владении уже год. 7] Таким образом, получается, что Трималхия, в котором Петроний воплотил гордыню, жадность и пороки богатых людей своего времени, не знал, что он является владельцем великолепных владений. В другом месте Петроний заставляет Трималхия сказать, что все, что может вызвать аппетит у его спутников, выращивается на одной из его ферм, которую он еще не посетил и которая находится по соседству с Террачиной и Тарентумом, городами[8], разделенными расстоянием в 300 миль. Наконец, движимый неумеренным желанием приумножить свои богатства и увеличить владения, герой Петрония перед смертью просит лишь об одном - добавить к своим владениям Апулию[9]; впрочем, он признает, что не отказался бы присоединить к Сицилии некоторые земли, которыми он владел в этой местности, или иметь возможность, если зависть не помешает ему, пройти в Африку[10], не покидая своих владений. Все это имеет под собой основание. Трималхия никогда бы не появился на свет, если бы любимые вольноотпущенники Нерона не подавляли народ своей роскошью, развратом и скандалами.

Но состояние общества, изображенное Сенекой и Петронием, относится к первому веку христианской эры и не может быть принято за состояние дел во втором веке до нашей эры, если бы не некоторые данные, доказывающие концентрацию собственности, разрыв между

классами и обезлюдение Италии в течение того же века, что и Гракхи. Цицерон не считался одним из самых богатых людей в Риме, однако у него было много вилл, и он сам рассказывал, что одна из них обошлась ему в 3 500 000 сестерций, около 147 000 долларов.[11] У Корнелии, матери Гракхов, была загородная резиденция в окрестностях Миценума, которая стоила[12] 75 000 драхм (14 000 долларов); Лукулл несколько лет спустя купил ее за 500 200 драхм (100 040 долларов). По словам Цицерона,[13] у Красса было состояние в 100 000 000 сестерций (4 200 000 долларов). Это не удивляет нас, когда мы видим на *Аппиевой улице*, рядом с руинами цирка Каракаллы и на небольшом расстоянии от катакомб Святого Себастьяна и фонтана Эгерия, все еще важные остатки гробницы Цецилии Метеллы, дочери Метелла Кретика и жены трибуна Красса, о чем свидетельствует надпись. Это огромная "погребальная крепость", построенная из драгоценного мрамора, которая дает нам первый пример роскоши, впоследствии столь распространенной среди римлян. Кроме того, мы помним, что Красс имел обыкновение говорить, что никто не был богат, если не мог на свои доходы содержать армию, набрать шесть легионов и большое количество вспомогательных войск, как пехоты, так и кавалерии[14].

Плиний подтверждает это утверждение относительно Красса, но добавляет, что Сулла был еще богаче[15]. Плутарх дает нам более подробные сведения, а также объясняет происхождение колоссального состояния Красса. По его словам, у Красса было 300 талантов (345 000 долларов), с которых он начинал. Отправившись на парфянскую войну, в которой он погиб, он составил опись своего имущества и обнаружил, что владеет 7 100 талантами, то есть 8 165 000 долларов, что вдвое больше, чем приписывает ему Цицерон. Как Красс так сильно увеличил свое состояние? Плутарх говорит, что он купил конфискованное Суллой имущество по очень низкой цене. Затем у него появилось множество рабов, отличавшихся своими талантами: лекторов, писателей, банкиров, бизнесменов, врачей и содержателей гостиниц, которые передавали ему прибыль, полученную от своих разнообразных занятий. Кроме того, среди его рабов было 500 каменщиков и архитекторов. Рим был построен почти полностью из дерева, а дома были очень высокими, поэтому пожары были частыми и разрушительными. Как только начинался пожар, Красс спешил на место с толпой рабов, скупал за бесценок горящие здания, а также те, которым угрожала опасность, а затем заставлял своих рабов тушить пожары. Таким образом, он завладел значительной частью Рима.

Некоторые другие факты подтверждают то, что Плутарх рассказывает нам о Крассе. Афинеи[17] говорят, что нередко римские граждане владели 20 000 рабов. В начале гражданской войны между Цезарем и Помпеем будущий диктатор обнаружил в Пиценуме противостоящего ему Домиция[18] Агенобарба во главе тридцати когорт. Домиций, видя, что его войска колеблются, пообещал каждому из них по четыре югера из своего имущества, а центурионам и ветеранам - соразмерную часть. Каково же было состояние человека, который смог раздать из своих собственных земель, не разорив себя, около 100 000 югеров?

- [Сноска 1: Цицерон говорит, что такие поборы были обычным явлением и что провинции даже сдерживались от жалоб. Веррес извинялся за свои поборы, говоря, что он просто следовал общему примеру. In Verrem, II, 1-3, 17].
- [Сноска 2: "Parentes aut parvi liberi militum, ut quisque potentiori confinis erat, sedibus pellebantur." Sall., *Jugurtha*, 41. Гораций, Ода II, 18].
- [Сноска 3: Duruy, *Hist. des Romains*, II, 46-47].
- [Сноска 4: "Sex domini semissem Africae possidebant." *Hist. Nat.*, XVIII, 7.]
- [Сноска 5: Seneca, *Epist.*, 89.]

- [Footnote 6: Petronius, Sat., 48: VII. calendas sextilis in praedio Cumano, quod est Trimalchionis, nati sunt pueri, XXX, puellae, XL; sublata in horreum, ex area, tritici millia modium quingenta; boves domiti quingenti ... eodem die incendium factum est in hortis Pompeianis, ortum ex aedibus nastae, villici].
- [Сноска 7: Quid? inquit Trimalchio: quando mihi Pompeiani horti emti sunt? Anno priore, inquit actarius. (*Ibid.* 53.)]
- [Сноска 8: Vinum, inquit, si non placet, mutabo; vos illud, oportet faciatis. Deorum beneficio nōn emo, sed nune, quidquid ad salivam facit, in suburbano nascitur eo quod ego adhuc non navi. Dicitur confine esse Tarracinensibus et Tarentinis].
- [Footnote 9: Quod si contigerit Apuliae fundos jungere, satis vivus pervenero, (*Ibid.* 77.)]
- [Сноска 10: Nunc conjungere agellis Siciliam volo, ut quoniam Africam libuerit ire, per meos fines navigem. Sat., 48.]
- [Сноска 11: Ad Fam., V, 6: "quod de Crasso domum emissem emi eam ipsam domum H.S., XXXV."].
- [Сноска 12: Плутарх, *Жизнь Мария*].
- [Сноска 13: De Repub., III, 7: Cur autem, si pecuniae modus statuendus fuit feminis, P. Crassi filia posset habere, si unica patri esset, aeris millies, salva lege?]
- [Сноска 14: Cicero, *Paradoxia*, VI.]
- [Сноска 15: Плиний, *Hist. Nat.*, XXXIII, 10].
- [Сноска 16: Плутарх, *Красс*, с. 1 и 2].
- [Сноска 17: Athenaeus, *Deipnosophistae*, VI, 104].
- [Сноска 18: Cæsar, *Bell. Civ.*, I, 17].

SEC. 10. - ВЛИЯНИЕ РАБСТВА.

Последнее из зол, о которых мы хотим упомянуть как о приведших к плачевному состоянию плебеев во времена Гракхов, и которое принесло больше деградации и разорения, чем все остальные, - это рабство. Лициний Столо тщетно пытался бороться с ним. Двадцать четыре века бесплодного законодательства, прошедшие со дня его смерти, едва ли научили самые просвещенные народы, что регулировать законом величайшее преступление против человечества - пустая трата сил, пока условия, породившие его, остаются прежними. Римские легионы, крепкие плебеи, шли на завоевание мира. Для чего? Чтобы привести домой огромные толпы пленников, которым суждено было, как рабам, есть хлеб и питаться кровью своих завоевателей. Замена рабов свободными людьми в городском и сельском труде, в ремесле и промышленности росла пропорционально количеству невольников,

продаваемых на рынках Рима. Все богатые люди в большей или меньшей степени следовали примеру Красса; среди их рабов были ткачи, резчики, вышивальщицы, художники, архитекторы, врачи и учителя. Суэтоний рассказывает, что Август не носил никакой одежды, кроме той, что изготавливали рабы в его собственном доме. Аттикус нанимал своих рабов в качестве переписчиков. Цицерон использовал рабов в качестве amanuens. Правительство нанимало рабов на подчиненные должности в администрации: в полицию, для охраны памятников и арсеналов, для изготовления оружия и боеприпасов, для строительства флота и т. д. Жрецы храмов и коллегий понтификов имели свои семьи рабов.

Таким образом, в городе плебеи не находили себе работы. Конкуренция между отцами семейств и рабами, которые массово трудились в огромных рабочих цехах своих хозяев, не получая никакой отдачи, кроме самого скудного пропитания, не имея ни семей, ни забот, ни, главное, службы в армии, была невозможна. В стране все было еще хуже. Похоже, что никто, кроме рабов, не занимался обработкой земли. Несомненно, число рабов в Италии сильно преувеличено, но несомненно, что замена рабского труда свободным была уже старым фактом, когда Лициний[1] попытался формальным предписанием своего закона положить конец этому злу. В первые века существования Рима рабы, должно быть, были дефицитом. Во времена Катона они все еще были дороги, и даже Плутарх упоминает в качестве доказательства скупости прославленного цензора[2], что он никогда не платил за раба больше 15 000 драхм. После великих завоеваний римлян на Корсике, Сардинии, в Испании, Греции и на Востоке рынок упал из-за множества человеческих существ, выброшенных на него. Трудоспособного, неграмотного мужчину можно было купить по цене быка. Такими были люди из Испании, Фракии и Сардинии. Образованные рабы из Греции и с Востока стоили дороже. От Горация мы узнаем, что его раб Давус, которого он так прославил, стоил ему 500 драхм.[3] Диодор Сикульский говорит, что богатые люди заставляли своих рабов жить собственными усилиями. По его словам, рыцари использовали большие группы рабов в Сицилии как для сельскохозяйственных работ, так и для выпаса скота, но они давали им так мало пищи, что те должны были либо голодать, либо жить разбоем. Правители острова не осмеливались наказывать этих рабов, опасаясь могущественного ордена, которому они принадлежали.[4] Таким образом, рабский труд был принят по экономическим причинам, и по тем же причинам сельское хозяйство в Италии было заброшено ради скотоводства.

Варро говорит:[5] "Отцы семейств скорее любят цирки и театры, чем земледелие и выращивание винограда. Поэтому мы платим за то, чтобы пшеница, необходимая для нашего пропитания, привозилась из Африки и Сардинии; мы собираем виноград на островах Кос и Хиос. На этой земле, где наши отцы, основавшие Рим, обучали своих детей земледелию, мы видим, как потомки тех искусных земледельцев, по причине алчности и пренебрежения законами, переводят пахотные земли в пастбища, возможно, не зная, что земледелие и отечество - это одно целое".

Для ухода за этими пастбищами требовалось меньше людей, но зло на этом не остановилось. Постепенно пастбища превращались в увеселительные площадки, пристроенные к виллам. Это начало происходить уже во время второй Пунической войны, когда равнины Синуэссы[6] и Фалернии возделывались скорее для удовольствия, чем для удовлетворения жизненных потребностей, так что армия Фабия не могла найти ничего, на что можно было бы опереться. Под этим влиянием плебеи в 133 году стали просто буйной, беспокойной массой, но полной той активности и энергии, которая была характерна для них в первые века республики. Они состояли в основном из потомков древних плебейских родов, разоренных войнами и несчастьями. Они были наследниками тех, ради кого Спурий Кассий, Теренций Арса, Виргиний, Лициний Столо, Публилий Филон и Гортензий пережили столько

конфликтов и даже пролили свою кровь; но они огрубели от нищеты, разврата и преступлений. Не имея больше возможности обеспечивать себя трудом, они превратились в нищих и бродяг".

- [Сноска 1: M. Bureau de la Malle, *Ec. polit. des Romains*, ch. 15, p. 143; ch. 2, p.231].
- [Сноска 2: Плутарх, *Катон Цензор*, 6 и 7].
- [Сноска 3: Гораций, Сб. II, 7; ст. 42-43: "Quid? si me stultior ipso quingentis empto drachmis, deprehenderis"].
- [Сноска 4: Diodorus, Siculus, Fg. of Bk. XXXIV].
- [Сноска 5: Varro, *De R.R. Proem.* 3, 4].
- [Сноска 6: Livy, XXII, 15.]

SEC. 11. -LEX SEMPRONIA TIBERIANA.

В 133 году, более чем через два столетия после принятия закона Лициния Столо, Тиберий Гракх, народный трибун того года, выдвинул законопроект, который по сути был не более чем обновлением старого закона. Он предусматривал, что никто не должен занимать более пятисот югеров *ager publicus*, с оговоркой, что любой отец мог зарезервировать[1] 250 югеров для каждого сына.[2] Этот закон отличался от закона Лициния тем, что гарантировал постоянное владение этой суммой оккупанту и его наследникам навечно.[3] Были приложены и другие пункты, предусматривающие выплату богачам некоего эквивалента за улучшения и постройки в сданных имениях, а также предписывающие разделить сданные таким образом владения между более бедными гражданами на участки по 30 югеров каждый, при условии, что их доли будут неотчуждаемыми.[5] Они обязывались использовать землю в сельскохозяйственных целях и платить умеренную ренту государству. Судя по всему, итальянцы не были лишены возможности воспользоваться этим законом[6].

Цель этого законопроекта заключалась в том, чтобы пополнить ряды римлян за счет призыва свободных землевладельцев из числа латинов. Те, кто был доведен до нищеты, должны были вернуть себе независимость. Те, кто был угнетен, должны были подняться к свободе.[7] Более щедрого плана римлянам еще не предлагали. Ни один из них не встречал более решительного сопротивления, и для этого было много причин. Возможно, среди друзей трибуна и нашлись бы желающие расстаться с землями, завещанными им отцами; но там, где один был готов признаться, сотня была готова отрицать их притязания. Не было у них и таких требований, как в былые времена. Тогда плебеи были твердой и компактной массой, требовавшей доли в недавних завоеваниях, добытых их собственной кровью и мужеством. Теперь это было рыхлое и слабое тело, состоящее из разных членов, ожидающих своей доли в давно завоеванных землях, в то время как их покровитель, а не вождь, прилагал усилия для них.

Тиберий, как и Лициний, столкнулся с яростной оппозицией, но у него не хватило терпения и стойкости, чтобы дождаться более медленного, но безопасного процесса законной

агитации. Он выбрал курс[8], который всегда опасен, а в больших политических движениях - особенно. Удовлетворенный справедливостью своего законопроекта, уязвленный насмешками и разъяренный оппозицией, он решил провести его, открыто нарушив закон. Он заставил своего коллегу Октавия, наложившего вето, снять с должности голосованием граждан - вещь неслыханная и, согласно римской конституции, невозможная, - и таким образом его законопроект о разделе государственных земель был проведен и стал законом. Он требовал назначения трех комиссаров для получения и распределения общественных владений.[9] Этой коллегии из трех человек,[10] которые считались обычными и постоянными магистратами государства и ежегодно избирались народным собранием, поручалась работа по возобновлению и распределению. Впоследствии к этим функциям добавилась важная и трудная задача юридического урегулирования того, что является домениальной землей, а что - частной собственностью. Сам Тиберий, его брат Кай, находившийся в то время в Нумантии, и его тесть Клавдий были назначены, согласно обычному обычаю поручать исполнение закона его автору и его избранным сторонникам.[11] Распределение должно было продолжаться постоянно и охватывать весь класс, который должен был нуждаться в помощи. Новыми чертами *agraria lex* Семпрония по сравнению с Лицинием-Секстианом были, во-первых, положение в пользу наследственных владельцев; во-вторых, выплата ренты и неотчуждаемое владение, предложенное для новых наделов; в-третьих, особенно постоянный исполнитель, отсутствие которого в старом законе было главной причиной того, что он оставался без длительного практического применения[12].

Недовольство сторонников закона в сочетании с сопротивлением его противников помешало его исполнению или, по крайней мере, сильно смутило коллегию. Сенат отказался предоставить обычную экипировку, на которую имели право комиссары[13]. Они действовали без него. Тогда землевладельцы стали отрицать, что занимают какие-либо общественные земли, или же требовали таких огромных компенсаций, которые делали возврат невозможным без насилия. Это вызвало противодействие. *Публичная земля* никогда не была обследована, частные границы во многих случаях были стерты, и, за исключением тех случаев, когда естественные границы обозначали пределы домена, было невозможно установить, что является *публичной землей*, а что - *частной*. Чтобы избежать этой трудности, комиссия приняла справедливое, но опасное решение - возложить бремя доказывания на оккупанта. Его вызывали в трибунал, и если он не мог установить свои границы или доказать, что данная земля никогда не входила в состав домена, ее объявляли *ager publicus* и конфисковывали[14].

С другой стороны, новоиспеченные собственники враждовали друг с другом, если не с комиссарами. В некоторых случаях итальянцы были разорены, вместо того чтобы получить облегчение от закона. Жалобы тех, кого выгнали из их поместий, чтобы освободить место для шумных стай из города, заглушали благодарность тех, кто получил часть земель. Даже с богатством Атталы Тиберий не приобрел достаточно друзей, чтобы помочь ему в это время.[15] Тот же дух беззакония, на который он сам ссылался при принятии своего закона, был в свою очередь использован его врагами, чтобы сокрушить его. Отсутствуя в Риме во время исполнения своих обязанностей комиссара, он теперь вернулся в качестве кандидата на переизбрание в трибунал, что само по себе противоречит закону, и в борьбе, возникшей по поводу его переизбрания, был убит чуть более чем через шесть месяцев после своего назначения[16] в коллегию.

Неопределенность в отношении деталей Lex Sempronia. Мы очень плохо осведомлены о многих моментах аграрного законодательства Тиберия. Прежде всего, возникает вопрос, были ли лица, владевшие на момент принятия закона менее чем 500 югеров, наделены

землями в качестве *добросовестной* частной собственности с привилегией восполнить недостаток? Если нет, то закон, вместо того чтобы наказывать, как бы поощрял нарушение его принципов, и тот, кто смело присвоил себе наибольшее количество домениальной земли, теперь стал бы предметом зависти своих более честных, но менее удачливых соседей.

Во-вторых, как обстояли дела с постройками и улучшениями, уже имевшимися на участке? Передавались ли они новым владельцам без какой-либо оплаты с их стороны? Это привело бы к значительному неравенству в стоимости выделенных участков, и все же мы не видим, откуда бедняк должен был взять деньги, чтобы заплатить за них. Кроме того, что должно было произойти с многочисленными рабами, которые до сих пор занимались сельским хозяйством, теперь предназначенным для мелких землевладельцев? Их хозяевам не было смысла их, и, чтобы избежать расходов на их пропитание, они пополнили бы списки освобожденных. Этот закон был принят в разгар сицилийской войны за рабов, и Тиберий Гракх, несомненно, не преминул бы предусмотреть некоторые меры на этот случай. Закон в его несовершенном виде кажется делом рук невежественного, беспринципного политического шарлатана, но мы убеждены, что Тиберий был не таким. Более того, мы знаем, что ему помогал один из самых способных юристов Рима, Публий Муций Сказвола, и советовал его тесть, Аппий Клавдий, который был в некотором роде государственным деятелем. Поэтому мы убеждены, что были приняты некоторые условия, которые должны были преодолеть эти препятствия. Однако мы должны признать, что несколько удивительно, что ни один фрагмент таких условий не дошел до нас в римской литературе.

Результаты этого закона. Хотя Тиберий был мертв, его закон все еще жил и, более того, приобрел дополнительную силу после смерти его автора. Сенат убил Гракха, но не смог отменить его закон. Партия, выступавшая за распределение домениальных земель, получила контроль над делами. Гай Гракх, Марк Фульвий Флакк и Гай Папирий Карбо были главными лицами в проведении закона в жизнь. Моммзен (т. III, с. 128) говорит: "Работа по возвращению и распределению захваченных домениальных земель велась с усердием и энергией; и, в сущности, доказательств тому не мало. Уже в 622 году (то есть с момента основания Рима, =132 г. до н.э.) консул того года Публий Попиллий, тот самый, что руководил преследованием сторонников Тиберия Гракха, записал на общественном памятнике, что он был "первым, кто изгнал пастухов из владений и поставил вместо них земледельцев";", а традиция утверждает, что это распространение распространилось на всю Италию, и что в ранее существовавших общинах число земледельцев повсеместно увеличилось, поскольку целью семпрониевского аграрного закона было возвышение прежнего класса не путем основания новых общин, а путем укрепления уже существовавших.

"О масштабах и всеобъемлющем эффекте этих распределений свидетельствуют многочисленные приспособления в римском искусстве измерения земли, относящиеся к гракханским распределениям земли; например, правильное размещение межевых камней, чтобы избежать будущих ошибок, кажется, впервые было предложено гракханскими судами для определения границ и распределения земли.

"Но наиболее четкое доказательство дает число, указанное в переписных листах. Перепись, опубликованная в 623 году, а на самом деле происходившая, вероятно, в начале 622 года, дала не более 319 000 бюргеров, способных носить оружие, тогда как шесть лет спустя (629 год), вместо прежнего падения (стр. 108), это число возрастает до 395 000, то есть на 76 000, что, вне всякого сомнения, было увеличено исключительно вследствие того, что комиссия по распределению сделала для римских бюргеров."

Ине говорит об этой же комиссии (т. IV, с. 409): "Триумвиры приступили к исполнению своих обязанностей при самых неблагоприятных обстоятельствах..... Мы можем серьезно сомневаться в том, что они или их ближайшие преемники когда-либо выходили за пределы этой первой стадии своих трудов и действительно ли они выполнили задачу по созданию сколько-нибудь значительного числа независимых фригольдеров". Далее Ине говорит (vol. IV, p. 408, n. 1), отвечая на заявления Моммзена, которые мы цитировали выше: "В этом аргументе есть очевидное заблуждение, ибо каким образом выделение наделов бедным гражданам может увеличить число граждан? Ничто не оправдывает предположение, что неграждане должны были пользоваться благами земельного права и что, получая наделы, они должны были стать гражданами. Если верить заявлениям о переписи 131 года до н. э. и 125 года до н. э., то значительное увеличение числа граждан должно быть объяснено по-другому. Возможно... что после восстания фригеллов (125 г. до н. э.) часть союзников была принята в римское сословие в результате нескольких плебисцитов. Нам ничего не известно о таких плебисцитах, но не исключено, что римский сенат в 125 году до н. э. действовал по принципу своевременных уступок части восставших и тем самым предотвратил единогласные действия среди них. Именно так было сделано в 90 году до н. э. во время великой Социанской войны. Таким принятием союзников, возможно, можно объяснить увеличение числа граждан между 131 и 125 годами".

Если мы рассмотрим возражения, которые выдвигает Ине, то не найдем их столь грозными, как кажется на первый взгляд. Моммзен не говорит, что число граждан увеличилось. Он говорит лишь о том, что было увеличено число бюргеров, способных носить оружие (vol. III, p. 128). В 570-184 гг. сервская военная конституция была изменена таким образом, что к службе в бюргерской армии допускались лица, обладающие состоянием не более 4 000 ассов (85 долларов). В случае необходимости все те, кто был обязан служить на флоте, *то есть* те, кто получал от 4 000 до 1 500 ассов, и все вольноотпущенники, а также свободнорожденные, получавшие от 1 500 ассов (30 долларов) до 375 ассов (7,50 долларов), зачислялись в бюргерскую пехоту.[17] Достаточно легко понять, что дарение правительством 30 югеров (24 акра) земли каждому бедному горожанину выводило его из рядов пролетариата и делало его военнообязанным.

Этого достаточно, чтобы подтвердить тезис Моммзена;[18] и нет необходимости рассматривать второй пункт, а именно, что неграждане не должны были пользоваться благами земельного права и тем самым возводиться в ранг граждан, хотя нам было бы не труднее поверить в это, чем в то, что 76 000 союзников были приняты в римскую франшизу "путем нескольких плебисцитов", о которых не сохранилось ни следа, ни слуха.

Вряд ли можно предположить, что итальянские крестьяне были размножены в том же соотношении, что и римляне; но результат должен был быть очень выгодным даже для них.

При достижении этого результата, несомненно, были нарушены уважаемые интересы и существующие права. Сама комиссия состояла из буйных приверженцев, которые, будучи сами себе судьями, не гнушались осуществлять свои планы даже ценой безрассудства и беспорядков. Громкие жалобы раздавались, но, как правило, безрезультатно. Если вопрос с доменом вообще должен был быть решен, то без такой жесткой меры не обойтись. Разумные римляне желали, чтобы план был тщательно проверен. Но у этого попустительства был предел. Итальянские владения не все находились в руках римских граждан. Союзные общины владели большими участками на основании постановлений народа или сената, а другие части перешли во владение латинских бюргеров. На них, в свою очередь, напали комиссары; но наносить новые обиды латинянам, которые и так были перегружены военной службой, не имея доли в добыче, было делом сомнительной политики.

Латини обратились лично к Сципиону, и под его влиянием народ принял законопроект, который лишал комиссию ее юрисдикции и передавал консулам решение о том, какие земли являются частными, а какие домениальными. Это был мягкий способ убить закон, и он привел к этому. Однако в значительной степени он выполнил свою задачу и оставил в руках римского государства лишь небольшую территорию.

- [Сноска 1: App., I, 9; Livy, Epit., LVIII, XII: "possessores, qui filios in potestate haberent, supra legitimum modum ducena quinquagena jugera in singulos retinerent"].
- [Сноска 2: Моммзен утверждает, что эта привилегия была ограничена 1000 кувшинов в целом, и Вордсворт следует за ним, делая то же самое заявление. Ланге, *Röm. Alterthümer*, III, 9, соглашается с Моммзеном и цитирует App. B.C., I, 9, 11; Vell., 2, 6; Livy, Ep., 58; Aurelius Victor, 64; Sic. Flacc., p. 136, Lach. Я не нахожу в упомянутых местах прямых доказательств того, что утверждает Ланге, в то время как App. (I, 11), говорит: "καὶ παῖσι οἷς εἰσι παῖδες ἑκάστῳ καὶ τούτων τὰ ἡμισεα" ("kai paissi, ois eisi paides ekasto kai touton ta aemisea." Лонг говорит, что нет никаких доказательств ограничения числа сыновей, в то время как Ине, Дюруи и Нитцш согласны следовать утверждению Аппиана, как это сделал я. См. Marquardt u. Momm., *Röm. Alter*, 106].
- [Сноска 3: App., I, 11.]
- [Сноска 4: Momm., III, 114; Плутарх, *Тибериус Гракх*, 9, 1. 9].
- [Сноска 5: App., I, 1. 3.]
- [Сноска 6: App., I, 9: "Τίβεριος Γρακχός... δημαρχῶν ἐσεμνολογήσῃ περὶ τοῦ Ἰταλικοῦ γένους ὡς εὐπολεμωτάτου τε καὶ συγγένους φθειρομένου δὲ κατ' ὀλίγον ἐς ἀπορίαν καὶ ὀλιγανδρίαν. Также App. B.C., I, 13; Γρακχός δὲ μεγαλαυχούμενος ἐπὶ τῷ νόμῳ... οἷα δὲ κτιστῆς οὐ μίας πόλεως οὐδ' ἑνὸς γένους ἀλλὰ πάντων ὅσα ἐν Ἰταλίᾳ ἐθνῇ, ἐς τὴν οἰκίαν παρεπεμπετο". (App., I, 9: "Tiberios Grakchos...daemarchon esemnologaese peri tou Italikou genous hos eupolemotatou te kai sungenus phtheiromenou de kat oligon es aporian kai oligandrian. Также App. B.C., I, 13; Grakchas de megalauchoumenos epi to nomo ... oia dae ktistaes ou mias poleos oud henos genous alla panton osa en Italia ethnae es taen oikian parepempeto.").
- Ihne, IV, 385. Ланге говорит (III, 10): "Das Gracchus die Latiner und Bundesgenossen nicht berücksichtigte, war bei der Gesinnung der römischen Bürgerschaft gegen die Latiner ganz natürlich." Я не вижу, как он согласовывает это утверждение с утверждениями Апп., Ἰταλικοῦ γένους (Italikou genous) и Ἰταλία ἐθνῇ (Italia ethnae). Momm., *Röm. Ge.*, II, 88].
- [Сноска 7: Sallust, *Jugurtha*, XLII.]
- [Сноска 8: App., I, XII; Plutarch, *Tiberius Gracchus*, X-XII; Julii Flori Epitoma, II, (Biblioth. Teubner, p. 67): "Sit ubi intercedentem legibus suis C. Octavium vidit Gracchus, contra fas collegii, juris, potestas, is injecta manu depulit rostris, adeoque praesenti metu mortis exterruit, ut abdicare se magistratu cogeretur."]
- [Сноска 9: Momm., III, 115.]
- [Сноска 10: App., I, 9; Livy, Epit., LVIII, 12; Plut., *Tib. Gr.*, 8-14; Cic., De Leg. Agr., II, 12, 13; Velleius, 2, 2; Aurelius Vic., De Vir. Illus., 64].
- [Сноска 11: Плутарх, *Тибериус Гракх*, 13].
- [Сноска 12: Momm., III, 115. См. справедливое осуждение этого положения у Ине; IV, 387].
- [Сноска 13: Plutarch, *Tib. Grac.*, XIII, ln. 12; Duruy, *Hist. Rom.*, vol. II, pp. 339-420 of Translation].

- [Сноска 14: Long, I, 183; Ihne, IV, 387; Lange, III, 10-12; Nitzsch, *Die Gracchen*, 294 et seq.].
- [Сноска 15: Плутарх, *Tib. Grac.*, 14; Florus, II].
- [Сноска 16: Cicero, *De Amicitia*, 12. "Tiberius Gracchus regnum occupare conatus est vel regnavit is quidem paucas menses"].
- [Сноска 17: Momm., II, p. 417.]
- [Сноска 18: Профессор Лонг считает, что закон Тиберия вскоре стал мертвой буквой. Ланге (*Röm. Alter.*, III, 26-29), склоняется к этому мнению. Дюрюи (II, 419-420) и большинство других современных авторов согласны с Моммзеном].

SEC. 12. -LEX SEMPRONIA GAIANA.

Гай Гракх на самом деле не принимал нового аграрного закона, а лишь восстановил полномочия комиссии, назначенной его братом за десять лет до этого; эти полномочия они потеряли по закону Сципиона.[1] Закон Гая был принят лишь для сохранения принципа, а распределение земли, если и возобновилось, то в очень ограниченном масштабе. Об этом свидетельствует тот факт, что в 124 и 114 годах в бюргерском списке было указано точно такое же число способных носить оружие. Как уже говорилось, домениальные земли были исчерпаны комиссией еще до утраты ее власти, и поэтому Гаю нечего было распределять.[2] Земли, принадлежавшие латинянам, можно было принимать во внимание только в связи с трудным вопросом о римской франшизе. Но когда Гай предложил основать колонии в Италии, в Тарентуме и Капуе, чьи территории до сих пор сохранялись в качестве источника доходов казны,[3] он пошел дальше своего брата и сделал их также подлежащими разделу; однако не по методу Тиберия, который не предполагал создания новых общин, а по колониальной системе. Можно не сомневаться, что Гай намеревался способствовать окончательному утверждению революции с помощью этих новых колоний в самой плодородной части Италии. Его свержение и смерть положили конец созданию предполагаемых колоний и оставили эту территорию в подчинении казны.

- [Сноска 1: Сципион должен был провести плебисцит для отмены этого положения, так как существующий закон не мог быть отменен *консилиумом сената*. См. Ihne, IV, 414, примечание].
- [Сноска 2: Momm., III, 137].
- [Сноска 3: Цицерон, *De Leg. Agr.*, II, с. 29-32; Marquardt u. Momm., *Röm. Alter.*, IV, 106: "ager publicus mit Ausnahme einiger dem Staate unenbehrllicher Domainen, wozu namentlich das Gebiet von Capua und das stellatische Feld bei Cales gehörte."]
- [Сноска 4: Ihne, IV, 438-479. Plutarch, *Gaius Gracchus*, 13].

ГЛАВА III.

СЕК. 13. -LEX THORIA.[1]

Согласно Аппиану, в годы, последовавшие за смертью Гая Гракха, вплоть до трибуната Сатурнина, то есть между 120 и 100 годами, были предложены и приняты три аграрных закона.

1. Закон "О том, чтобы владельцы земли, о которой шла речь, могли законно продавать ее". Аппиан, который является единственным авторитетом для этого периода, не называет ни даты принятия закона, ни имени трибуна, который его предложил, но Ине[3] называет дату 118 год, а Моммзен приписывает закон Марку[4] Друзусу. Этот закон отменял все ограничения, которые Гракхи накладывали на распределение общественных земель. Цель этого положения заключалась в том, чтобы обеспечить успех своих великих реформ и создать ряд мелких собственников, которые бы возделывали свои маленькие фермы и выращивали граждан и солдат. Но принудительная обработка земли невозможна, а законы о сумбуре еще никогда не приводили к увеличению населения[5]. Опять же несовместимо давать человеку землю и лишать его права продажи, ибо это существенная часть того достояния, которое мы называем собственностью на землю. Если человек захочет продать, у него всегда будут достаточные основания для этого, а богатый человек может позволить себе заплатить[6] самую высокую цену, свобода обмена, таким образом, приносит конечное благо обеим сторонам. Последствия этого закона легко понять. Это было начало реакции, полностью аристократической по своей природе.[7] Она была умело проведена в обычном духе римского сената, с уловками, мысленными оговорками и диссимуляциями под прикрытием общественных интересов. Аристократия представила плебеям-земледельцам, учрежденным *lex Sempronia*, средство быстрого и легкого удовлетворения своих страстей. Они никогда не зарабатывали на свои маленькие фермы и не ценили независимость земледельца. Не привыкшие к сельскохозяйственному труду[8] и к кропотливой, неутомительной жизни римского *агрикола*, они поспешили отказаться от утомительного земледелия, результаты которого казались им медленными и неопределенными, и с серебром, которое они получили в качестве цены за свои земли, вернулись в Рим, чтобы пополнить праздную и порочную толпу[9], которая наслаждалась сладкой привилегией существования, обеспеченного без труда.

Таким образом, вельможи быстро и дешево вступили во владение землями, которых Тиберий незадолго до этого лишил их, и путем небольших жертв превратили свои владения в реальную собственность, а плебеи, которых Тиберий хотел возвысить, принудив их к труду, снова впали в привычную бедность и жестокость. Но цель, к которой стремились вельможи,

еще не была полностью достигнута. Настоящая победа была за ними; теперь они стремились гарантировать будущее и тем самым сделать невозможными опасности, подобные тем, через которые они уже прошли.

2. Так был принят второй закон: "Спурий Борий, трибун, предложил закон о том, что не следует больше распределять общественные земли, но они должны быть оставлены за владельцами, которые должны платить за них определенные платежи (*vectigalia*) государству (*δημῳ*)(даемо), и что деньги, полученные от этих платежей, должны быть распределены"[11].

Легко понять действие такого закона. С одной стороны, он гарантировал владельцам полную собственность на государственные земли, которыми они владели. С этой точки зрения он был аристократическим. Но с другой стороны, он стремился объединить интересы простого народа с интересами аристократии, облагая держателей этих земель налогом в размере одной десятой части урожая,[12] тем самым вновь устанавливая закон, отмененный Друзом. Он заменил раздачу земли, которые теперь были невозможны[13] в Италии. В действительности этот закон был губителен для плебеев, поскольку устанавливал налог[14] в их пользу, *конгуарий*, и ставил в зависимость от лени.

Рассказ Аппиана представляет собой серьезную трудность. Во всех рукописях Аппиана имя трибуна, предложившего второй закон, - Спурий Борий.[15] Цицерон упоминает трибуна по имени Спурий[16] Торий, а Швейгхойзер в своем издании Аппиана заменил "Бория" на "Тория". Но это не уменьшает трудности, так как закон, который Цицерон приписывает Торию, полностью отличается от второго закона Аппиана, который, по его словам, был введен Спурием Борием. Цицерон говорит, что Спурий Торий "освободил общественные земли от вектигала"[17]. Аппиан говорит, что Спурий Борий гарантировал *владения* на общественных землях, взимая с них налог в пользу народа. Пытаться согласовать эти два утверждения - пустая трата времени[18]. Если допустить, что Спурий Борий и Спурий Торий - одно и то же лицо, то, согласно простому и общепринятому переводу слов Цицерона, эти утверждения все равно остаются диаметрально противоположными: "Sp. Thorius satis valuit in populari genere dicendi, is qui agrum publicum vitiosa et inutile lege vectigali levavit." Моммзен заставляет Цицерона согласиться с Аппианом, заменив "vectigali" на "vectigali" и переведя[19] "освободил общественную землю от порочного и бесполезного закона, наложив на нее vectigal". Ни один другой автор не согласен с Моммзеном в таком переводе.

3. Третий закон упоминается только Аппианом, который говорит: "И вот, когда с помощью этих уловок был обойден закон Гракха, прекрасный закон и полезнейший для государства, если бы он мог быть исполнен, другой трибун вскоре после этого (*οὐπολὺ ὑστέρων*;) (*οὐπολὺ ἡστέρων*) отменил даже вектигалии"[20] Это, очевидно, тот самый закон, который Цицерон называет законом Спурия Тория и о котором он упоминает в другом месте (*De Or.*, II, 70, 284), мы, возможно, примем его за автора.

Сохранилось несколько фрагментов бронзовой таблички, на гладкой поверхности которой написан *Lex Repetundarum*, а на шероховатой - аграрный закон. Эти фрагменты были обнаружены в XVI веке среди коллекций в музее кардинала Бембо в Падуе. Сигониус попытался реконструировать этот закон, а после него Хаубольд и Кленце, но Рудорф завершил реконструкцию, насколько это возможно, и сделал закон предметом интересного эссе.[23] У Моммзена есть комментарий в *Corpus Inscriptionum Latinarum*[24] к этому закону. Из всех этих источников почти без сомнений установлена дата этого закона - 111 год. Сигоний приписал его Спурию Торию, и, поскольку имя несущественно, а[25] кроме того, его аргументы в пользу этого названия нелегко отменить, мы не можем сделать ничего лучшего, чем принять его.

Аргументация *Lex Thoria*. [26]

Закон, очевидно, состоит из трех частей, хотя рубрики отсутствуют.

I. De agro publico p. R. in Italia (1-43).

II. De agro publico p. R. in Africa (44-95).

III. De agro publico p. R. qui Corinthorum fuit (96-105).

I. Об *Ager Publicus* в Италии.

Эту часть можно условно разделить на три раздела: (1) строки 1-24, определяющие *ager privatus*; (2) 24-32, определяющие *ager publicus*; (3) 33-43, о спорных случаях.

Таким образом, он охватывает первые сорок три строки закона и касается общественных земель Италии от Рубикона на юг. Вначале говорится о состоянии этих земель в 133 году, когда трибуном был Тиберий Гракх. Закон не затрагивает ничего из того, что было принято в отношении этой земли до 133 года. Он либо подтверждает, либо изменяет то, что было сделано в 133 году и с тех пор. Все общественные земли, которые были освобождены от действия семпронийских законов, *то есть Агер Кампанус и Агер Стеллатис*, были также исключены из действия *lex Thoria*.

(1) Первые десять строк закона относятся к той части *ager publicus*, которая была занята до времен Гракхов, если размер этой земли не превышал максимума, установленного семпрониевскими законами;

(2) Кроме того, на участки, выделенные по жребию (*sortito*) римским гражданам комиссарами со времени принятия семпрониевских законов, если эти участки не были выделены из земель, которые были гарантированы прежним владельцам;

(3) Также на все земли, отнятые у старого владельца, но по его жалобе возвращенные ему комиссарами;

(4) Также на все дома и земли в Риме или в других частях Италии, которые комиссары предоставили без жеребьевки, чтобы эти предоставления не нарушали гарантированного права собственности старых владельцев;

(5) Также на все общественные земли, которые Гай Семпроний или комиссары, исполняя его закон, использовали для основания колоний или отдали поселенцам, будь то римские граждане, латиняне или итальянские социумы, или которые по их распоряжению были занесены в "*formae*" или "*tabulae*".

В седьмой и восьмой строках все земли, о которых идет речь, объявляются частной собственностью в следующих выражениях: "*Ager locus omnis quei supra scriptus est, extra eum agrum locum, quei ager locus ex lege plebeivescito, quod C. Sempronius Ti. f. tr. pl. rogavit, exceptum cavatumve est nei divideretur ... privatus esto*".

В строках 8-10 говорится, что цензоры должны время от времени вносить эту землю в свои книги, как и любую другую частную собственность; далее объявляется, что в сенате не должно быть сказано или сделано ничего, что могло бы нарушить мирное пользование этой землей теми, кто ею владеет.

О строках 11-13 (гл. II) ничего определенного сказать нельзя из-за небольшого количества сохранившихся слов. [27] Рудорф объясняет их как относящиеся к землям, предоставленным

viasii vicani (жителям деревень вдоль дорог) семпронийскими комиссарами; эти земли должны оставаться в их владении, но теоретически должны быть *ager publicus*.

В строках 13-14 речь идет о землях, занимаемых с 133 г. *agri colendi causa*. Они предоставляют каждому римскому гражданину привилегию занять для целей земледелия тридцать югеров общественной земли; далее они объявляют, что тот, кто будет владеть или иметь не более тридцати югеров такой земли, будет владеть и иметь ее как частную собственность,[28] с положением, что занятая таким образом земля не будет частью общественной земли, исключенной из присвоения, и далее, что такое занятие не должно мешать гарантированным землям предыдущего владельца.

Строки 14-15 относятся к владельцам пастбищных земель (*ager compascuus*). Пастбищная земля - это земля, которая осталась неразделенной и не стала частной собственностью какого-либо лица, а была общей собственностью владельцев соседних земель. Эти лица имели право пасти скот на этой земле, выплачивая государству пастбищные взносы (*scriptura* или *vectigal*). Торийский лекс освободил эти земли от вектигала или скриптуры и предоставил каждому человеку бесплатный выпас для десяти голов крупного скота - крупного рогатого скота, ослов и лошадей - и пятидесяти голов мелкого скота - овец, коз и свиней. Это общее пастбище следует тщательно отличать от общинной собственности, которая предоставлялась поселенцам в колонии и называлась "*compascua publica*" с дополнительным титулом[29] колонии, как "*Julienses*".

Эти общие права в некоторых отношениях напоминают английские общие пастбища, описанные Брактоном[30]. Согласно английскому обычному праву, каждый фригольдер, владеющий землей в пределах манора, имел общее право на выпас скота на пустошах лорда как сопутствующее своей земле.

Строки 15-16. Владение землей, предоставленной комиссарами в колонии с 133 года, должно быть подтверждено до следующих мартовских ид.

Строки 16-17. То же правило применяется к землям, пожалованным в противном случае теми же комиссарами.

Строка 18. Такие жильцы, если их насильно изгонят, должны быть восстановлены.

Строки 19-20. Земля, выделенная семпронийской комиссией в качестве компенсации за землю в колонии, которая стала государственной, должна стать частной.

Строки 23-24. Подтверждение права собственности или реституция такой земли должны быть произведены до следующих мартовских ид.

Строки 24-25. Земли, которые остаются общественными, не должны занимать, но должны быть оставлены свободными для выпаса скота. За занятие земли налагается штраф. Закон разрешал всем лицам пасти своих больших и малых животных на этом общественном пастбище, вплоть до количества, указанного в строках 14-15 как предел, который можно пасти на *ager compascuus*, без всяких налогов. По словам Рудорфа, это было сделано в интересах мелких землевладельцев. Те, кто отправлял на общественные пастбища больше этого количества животных, должны были платить *scriptura* за каждую голову.

Строка 26. Когда скот или овец гнали по "каллам", или звериным тропам, и по общественным дорогам к пастбищам, плата за то, что они потребляли по дороге, не взималась.

Линия 27. Земля, отданная в возмещение из общественных земель, должна быть *privatus ut ei quoi optuma lege*.

Строка 27. Земля, изъятая таким образом из частного владения, должна быть *publicus*, как в 133 г.

Строки 27-28. Земля, отданная в компенсацию за *ager patritus*, должна быть сама *patritus*.

Строка 28. Общественные дороги должны оставаться в прежнем виде.

Строка 29. Все, что латины и *перегрины* могли делать в 112 году, и все, что не запрещено гражданам этим законом, они могут делать впредь.

Строки 29-30. Суд над латином должен быть таким же, как и над римским гражданином.

Строки 31-32. Территория (1) городов-бургов или колоний (2), в триентабулах, должна быть, как и прежде, общественной.

Строки 33-34. Споры о земле, ставшей частной между 133 и 111 гг. или по этому закону, должны рассматриваться консулом или претором до следующих мартовских ид.

Строки 35-36. Дела о спорах после этой даты должны рассматриваться консулами, преторами или цензорами.

Строки 36-39. Судебные решения о деньгах, причитающихся *publicani*, выносятся консулами, проконсулами, преторами или пропреторами.

Строка 40. Никто не может быть ущемлен в правах, если откажется присягнуть законам, противоречащим этому закону.

Строки 41-42. Никто не должен быть ущемлен отказом подчиняться законам, противоречащим этому закону.

Строки 43-44. О колонии Сипонтум (?).

Таким образом, мы видим, что *lex Thoria* преследовал две основные цели: (1) Гарантировать владельцам полную собственность на землю, которую они занимали. (2) Освобождение от *vectigal* или *scriptura* собственности каждого.

Таким образом, реакция аристократии была завершена. Она не оставила ничего от семпрониевского права. Аппиан[31] полностью осмыслил все это, и в его перечислении трех законов, связь между которыми он указывает, мы ясно видим всю революционную систему, проведенную, надо признать, с редкой адресностью и вероломством, которые сделали эффект несомненным. Аристократия не успокаивалась. Как только они завоевали народ своей новой приманкой в виде денег и еды, успокоили его своей видимой щедростью и приобщили к мысли, что *владения* дворян не только законно приобретены, но и неприкосновенны, тогда они подняли маску и смелым шагом смахнули *вектигала*,[32] оставив таким образом свою собственность свободной. Принятие этого закона фактически завершило долгую борьбу между патрициями и плебеями за общественные земли Рима и оставило их в качестве полной собственности в руках богатой знати. Результаты вряд ли могли быть иными. Сумбурные законы, ложные экономические принципы закрыли для знати все каналы[33] торговли и производства, а завоевания наполнили их руки золотом и предоставили в их распоряжение огромное количество[34] рабов. Для вложения этого золота был открыт только один канал - аграрный. 35 Земледелие и скотоводство были единственными занятиями, в которых можно было с выгодой использовать рабов, и поэтому,

как естественный результат римской экономики, плебей, не имея почти никаких денег и подчиняясь военному призыву, был вынужден вступить в одностороннее соревнование с капиталом и рабским трудом. Пока существовали эти условия, все законы мира не смогли бы спасти его от крайней нищеты и сопутствующих ей бедствий".

- [Сноска 1: Rudorff, *Ackergesetz des Spurius Thorius*, Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, Band X, s. 1-158. Corpus Inscriptionum Latinarum, vol. V, pp. 75-86. Wordsworth, *Specimens and Fragments of Early Latin*, 440-459].
- [Сноска 2: Appian, *Bell. Civ.*, I, с. 27].
- [Сноска 3: Ihne, *Roman History*, V, 9].
- [Сноска 4: Momm., *Röm. Hist.*, III, 165].
- [Сноска 5: Long, *Decline of the Rom. Rep.*, I, 352. См. Lange, *Röm. Alter.*, III, 48].
- [Сноска 6: Long, *loc. cit.*]
- [Сноска 7: Momm., III, 161; Ihne, V, 10].
- [Сноска 8: Long, *loc. cit.*]
- [Сноска 9: Lange, III, 48-49; Marquardt u. Momm., IV, 108].
- [Сноска 10: Long, *loc. cit.* Momm., III, 167-168; Ihne, V, 8-10].
- [Сноска 11: Appian, I, с. 27].
- [Сноска 12: Long, I, 353].
- [Сноска 13: Long, I, 354.]
- [Сноска 14: Ihne, V, 10-11.]
- [Сноска 15: Long, I, 353; Wordsworth, 440; Momm., III, 165, прим.; Ihne, V, 9; Lange, III, 48; Appian, I, с. 27].
- [Сноска 16: Cicero, *Brut.*, 36].
- [Сноска 17: Cicero, *De Orat.*, II, 70].
- [Сноска 18: Marquardt u. Momm., *Röm. Alter.*, IV, 108, n. 4; Wordsworth, 441].
- [Сноска 19: Corpus Inscriptionum Latinarum, vol. I, p. 74].
- [Сноска 20: Appian, I, с. 27].
- [Сноска 21: Long, I, 355; Wordsworth, 440].
- [Сноска 22: Long, I, 355; Wordsworth, 440; см. Rudorff, *Ack. des Sp. Thor*].
- [Сноска 23: Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, Band X, s. 1-194].
- [Сноска 24: C.I.L., I, pp. 75-86].
- [Сноска 25: Long, I, 356].
- [Footnote 26: Вордсворт, 447. См. текст этого закона в C.I.L., vol. I, pp. 79-80].
- [Сноска 27: Long, I, 359].
- [Сноска 28: "Quom quis ceivis Romanus agri colendi causa in eum agrum agri jugera non amplius xxx possidebit habebitue, is ager privatus esto."]
- [Footnote 29: Long, *loc. cit.*; Wordsworth, 446].
- [Footnote 30: Digby, *History of the Law of Real Property in England*, p. 157].
- [Footnote 31: Long, I, 357.]
- [Сноска 32: Appian, I, с. 27].
- [Footnote 33: Long, *loc. cit.*; Ihne, *loc. cit.*]
- [Сноска 34: Ihne, *loc. cit.*; Long, *loc. cit.*]
- [Сноска 35: Momm., *loc. cit.*]

SEC. 14. - АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 111 И 86 ГОДАМИ.

В год, следующий за принятием *lex Thoria*, или, по другим данным, в 105 году, аграрный закон был предложен трибуном по имени Марк Филипп. Цицерон - единственный писатель, который упоминает о нем, и он не дал нам никакой информации о его тенденциях и диспозициях. От него мы знаем только, что он был отклонен.[1] Вероятно, все это было лишь политической уловкой, чтобы добиться избрания или быть выгодно подкупленным знатью. Тем не менее, это представляет для нас один интерес. Внесению законопроекта предшествовала речь, в которой трибун, оправдывая свое начинание, утверждал, что среди граждан нет и двух тысяч богатых. Цицерон не сделал ни одной попытки опровергнуть это утверждение и, следовательно, должен был признать его истинным. Это свидетельствует о том, что Рим находился в плачевном состоянии.

В хронологическом порядке первым аграрным законом после тщетной попытки Филиппа стал закон Луция Аппулея Сатурнина. В 100 году он выдвинул законопроект о распределении земель в Африке[2] среди солдат Мариуса. Каждый солдат должен был получить сто югеров земли. При этом не должно было проводиться никакого различия между римлянами и латинянами. Этот законопроект получил санкцию собрания и стал законом, но главным средством его реализации была сила. Насколько можно судить, этот закон никогда не исполнялся, поэтому, когда три года спустя тот же человек внес другой аграрный законопроект, он предусмотрительно добавил в него пункт, обязывающий каждого сенатора под страхом сурового наказания подтвердить закон самой торжественной клятвой[3]. Первый закон был принят для того, чтобы обеспечить солдат Мария подходящими фермами после их возвращения из кампании в Нумидии. Автор, несомненно, действовал при помощи и сердечном содействии Мария. Когда Сатурнин выдвинул второй законопроект, Марий[4] вернулся с севера как герой Акве Секстии и был готов помочь. Знать, как один человек, выступила против этого плана; горожане были клиентами богачей. Если Марий[5] и Сатурнин хотели добиться успеха, то только с помощью деревенских бюргеров и солдат. С легионами, сражавшимися при Верцеллах, втянутыми в город, среди беспорядков и кровопролития, собрание приняло законопроект. Сенат, а также сам Марий некоторое время отказывались принимать присягу. Наконец,[6] по инициативе "человека из рядов", который пришел к выводу, что лучше подписаться, все, кроме одного, Метелла, принесли присягу. Закон предписывал выделить землю в стране галлов, в Сицилии, Ахайе и Македонии, основать колонии и назначить Мария главой комиссии, которой было поручено создать все эти поселения[7]. Колонии должны были состоять из римских граждан, а чтобы латиняне,[8] их соратники по оружию, могли участвовать в пожалованиях, Марию было дано право наделить определенное число из них избирательным правом. Но ни одна из этих колоний так и не была основана. Единственной колонией 100 года была Эпоредия[9] (Иврея) в северо-

западных Альпах, и маловероятно, что она была основана в соответствии с положениями закона. Закон должен был вступить в силу в 99 году, а до этого времени произошла смена партии, которая отправила Марка в практическое изгнание, а его сторонника Сатурнина наградила смертью. Оптиматы, которые теперь были у власти, не обратили внимания на закон, а сенаторы забыли о своей клятве. К многочисленным травмам Латини добавилась еще одна.

В 99 году, *то есть* в год, следующий за смертью Сатурнина, трибун Тиций предложил аграрный закон, но мы ничего не знаем о его условиях. Цицерон - единственный писатель, который упоминает о нем, и даже его текст вызывает сомнения.[10] Согласно одному из его высказываний, Тиций был изгнан за то, что сохранил портрет Сатурнина, и рыцари сочли его по этой причине мятежным гражданином. Валерий Максим, который, несомненно, заимствовал свои факты у Цицерона, утверждает, что "Тиций стал дорог народу тем, что[11] выдвинул аграрный закон". В другом месте Цицерон упоминает *lex Titia*[12] на той же странице, что и *lex Saturnina*, и подразумевает, что он был принят. Если это так, то он был проигнорирован и тем самым признан недействительным.

В 91 году Ливий Друз, сын противника Гая Гракха, предложил аграрный закон, и благодаря его новой судебной системе эта мера была принята и стала законом[13]. Итальянцы были охвачены этим законом и должны были иметь равные права с римскими гражданами, но Друз умер, не успев привести свой закон в исполнение, и закон умер вместе с ним.

- [Сноска 1: Cic., *De Off.*, II, 21].
- [Сноска 2: Lucius Appuleius Saturninus, tribunus plebis seditiosus ut gratiam Marianorum militum pararet, legem tulit ut veteranis centena agri jugera in Africa dividerentur.... Siciliam, Achaïam, Macedoniam novis colonis destinavit; et aurum, dolo an scelere, Caepionis partum, ad emtionem agrorum convertit. Аппел. Виктор. *De Vir. Illus.*, 73].
- [Сноска 3: App., I, 29; Plutarch, *Marius*, 29].
- [Сноска 4: Plutarch, *Marius*, *loc. cit.*]
- [Сноска 5: App., *Bell. Civ.*, I, 30-33].
- [Сноска 6: App., *loc. cit.*].
- [Сноска 7: Aurelius Victor, 73].
- [Сноска 8: Цицерон, *De Orat.*, II, с. 7, I; *pro Balbo*, XIV; *pro Rabirio*, XI].
- [Сноска 9: Long, I.]
- [Сноска 10: Cicero, *Pro Rabirio*, 9.]
- [Сноска 11: Val. Max., VIII, 1, § 2: "Sext. Titius... agraria lege lata gratus apud populum"].
- [Сноска 12: *De Legibus*, II, 6. *De Orat.*, II, 11].
- [Сноска 13: Ihne, V, 176-186; App., I, 35; Val. Max., IX, 5, 2: Cicero, *De Orat.*, III, 1; Livy, *Epit.*, 71].

SEC. 15. - ПОСЛЕДСТВИЯ СУЛЛАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Как только Сулла утвердился на своем посту, он провел законопроект о принятии Центуриатной комиции, с помощью которого он был уполномочен налагать наказания на некоторые итальянские общины. Для достижения этой цели были назначены комиты, которые должны были сотрудничать с гарнизонами, установленными по всей Италии. Менее виновные должны были заплатить штрафы, снести свои стены и разрушить цитадели.[1] У тех, кто был виновен в постоянном сопротивлении, как Самний, Лукания и Этрурия, территория была полностью или частично конфискована, их муниципальные права отменены, иммунитеты, предоставленные им старыми договорами, и римское право,[2] которое они получили от киннского правительства, аннулировано. Вместо этого они получали самые низкие латинские права, которые даже не подразумевали членства в какой-либо общине и лишали их гражданской конституции и права на составление завещания. 3) Это последнее правило применялось только к тем, чьи земли были конфискованы. Таким образом Сулла отстаивал величие Республики и в то же время избегал создания для своих врагов ядра в итальянских общинах. В Кампании демократическая колония, основанная в Капуе Цинной[4], была упразднена, а владения возвращены государству, став, таким образом, *ager publicus*. Вся территория Пренесте и Норбы в Лациуме, а также Сполетиума в Умбрии была конфискована. Город Сульмо в Пелигнии был разрушен. Но еще более страшной была кара, обрушившаяся на Этрурию[5] и Самниум. Эти народы выступили в поход на Рим и с явным намерением истребить римский народ вступили в бой у Коллинских ворот. Они были полностью уничтожены, а их страна опустела. Территория Самниума даже не была открыта для заселения, а оставлена как логово для диких зверей. Отныне от Рубикона до Сицилийского пролива не должно было быть никого, кроме римлян; законы и язык всего полуострова должны были быть законами[6] и языком Рима.

Для достижения этой цели недостаточно было разрушить и привести в запустение, необходимо было заселить пустующие места и отстроить разрушенное. Римские граждане должны были быть отправлены в качестве колонистов в опустевшие регионы. Сулла, соответственно, взялся за осуществление своих планов колонизации, самых грандиозных и всеобъемлющих, которые когда-либо видел Рим и которые действительно не имели аналогов в истории до заселения севера Ирландии Кромвелем и Вильгельмом III. Соглашения о собственности на итальянскую землю передали в распоряжение Суллы[7] все земли римского домена, которые были переданы в пользование союзным общинам, а теперь вернулись к римскому правительству. Кроме того, в его распоряжение были переданы все конфискованные территории общин, подвергшихся наказанию. На этих территориях он основал военные колонии и таким образом добился тройного результата.[8] Он вознаграждал своих солдат за верную службу, оказанную ему в долгие годы трудов и опасностей. Он заново заселил опустошенные войной области (кроме Самниума). Он обеспечил военную защиту себе и новой конституции, которую он установил.

Большинство его новых поселений были направлены в Этрурию, среди которых были Фесулы и Арретий; другие - в Лаций[9] и Кампанию, где Праенеста и Помпеи стали сулланскими колониями. Большая часть этих колоний была, по примеру Гракхов, просто привита к уже существующим городским общинам. Об обширности этих поселений можно судить по тому

факту, что в разных частях Италии было выделено 20 000 участков[10]. Несмотря на столь обширную территорию, Сулла отдал земли под храм Дианы на горе Тифата, а территория Волатерры и Арретия осталась нетронутой. Он также возродил старый план оккупации, который был законодательно запрещен в 118 году. Многие близкие друзья Суллы воспользовались этим способом стать хозяевами больших владений.

- [Сноска 1: App., *Bell Civ.*, I, 94-100; Livy, *Epit.*, 89. Плутарх, *Жизнь Суллы*].
- [Сноска 2: Ihne, V, 391].
- [Сноска 3: Momm., III, 428, прим. См. статью о Сулле в *Britannica*].
- [Сноска 4: Momm., III, 401].
- [Сноска 5: Momm., III, 429; Ihne, V, 392; Long].
- [Сноска 6: Momm., III, 429].
- [Сноска 7: Momm., *loc. cit.*; Ihne, V, 391-395].
- [Сноска 8: Momm., III, 429.]
- [Сноска 9: Momm., III, 430; Marquardt u. Momm., *Röm. Alter.*, IV, 111, *totam Italiam suis praesidiis obsidere atque ocupare*; Cicero, *De Leg. Agr.*, 2, 28, 75].
- [Сноска 10: App., I, 100; Cicero, *De Legibus Agrariis*, II, 28, 78; Ihne, V, 394; Marquardt u. Momm., IV, 111; Zumpt, *Comm. Epigr.*, 242-246; Cicero, *Ad Att.*, I, 19, 4: "Volaterranos et Arretinos, quorum agrum Sulla publicarat."].

SEC. 16. - АГРАРНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МЕЖДУ 86 И 59 ГОДАМИ.

Первым аграрным движением после Сулланской революции стало движение, инициированное трибуном Руллом. Он стал самым известным из всех аграрных законов благодаря речам, произнесенным против него великим противником Рулла, Цицероном, которому удалось одержать победу благодаря своей блестящей риторике. Плутарх[1] так анализирует это предложение. "Народные трибуны предлагали опасные нововведения; они требовали учредить десять магистратов с абсолютной властью, которые, распоряжаясь, как хозяева, Италией, Сирией и новыми завоеваниями Помпея, должны были иметь право продавать общественные земли; преследовать тех, кого они пожелают; изгонять; основывать колонии; брать из общественной казны любые деньги, в которых они нуждались; взимать и содержать войска, которые они сочтут необходимыми. Уступка столь широких полномочий привлекла к поддержке закона самых влиятельных людей Рима. Коллега Цицерона, Антоний, был одним из первых, кто поддержал закон, надеясь стать одним из децемвиров. Цицерон выступил против нового закона в сенате, и его красноречие настолько ошеломило даже трибунов, что они не нашлись, что ответить. Но они вернулись к обвинению и, заручившись поддержкой народа, вынесли вопрос на рассмотрение триб. Цицерона это несколько не встревожило; он покинул сенат, вышел на трибуну перед народом и заговорил с такой силой,

что не только заставил отклонить закон, но и отнял у трибунов всякую надежду на успех в подобных предприятиях".

В 61 году Цицерон выступает за законопроект, схожий по своей сути с тем, с которым он так блестяще боролся в 64 году. Однако в последнем случае закон был предложен Помпеем, причем в пользу солдат Помпея, а это имело значение для человека, который всегда добивался расположения великих. Флавий, предложивший этот закон, был всего лишь креатурой Помпея. В одном из писем к Аттику Цицерон изложил нам условия закона, предложенного Флавием, и те изменения, которые он сам хотел внести в него. Флавий предложил раздать земли как солдатам Помпея, так и народу; основать колонии; использовать для покупки земель для колонизации субсидии, которые должны были поступить в течение пяти лет с недавно завоеванных территорий.[2] Сенат полностью отверг этот закон, в том же духе оппозиции, который он проявлял ко всем аграрным законам, вероятно, решив, что Помпей таким образом получит слишком большое усиление власти.[3] Это была последняя попытка аграрного законодательства до 59 года, когда Юлий Цезарь принял свой знаменитый закон.

- [Сноска 1: Плутарх, *Цицерон*, 16-17].
- [Сноска 2: Цицерон, *Ad. Att.*, I, 19].
- [Footnote 3: Ibid.: "Huic toti rationi agrariae senatus adversabatur, suspicans Pompeio novam quamdam potentiam quaeri."]

SEC. 17. -LEX JULIA AGRARIA.

Во время первого консульства Кая Юлия Цезаря он, по наущению своих единомышленников, выдвинул аграрный законопроект[1]. Главной целью этого законопроекта было обеспечение земель азиатской армии Помпея. В сущности, этот законопроект был не более чем возобновлением законопроекта, представленного Помпеем в предыдущем году (58), но отвергнутого. Аппиан рассказывает об этом законопроекте следующее: "Как только Цезарь и Бибул[3] (его коллега) вступили в должность консула, они начали ссориться и готовиться к тому, чтобы поддержать свои партии силой. Но Цезарь, обладавший большими способностями к диссимуляции, обратился к Бибулу в сенате и призвал его к единодушию на том основании, что их споры повредят общественным интересам. Добившись таким образом доверия к мирным намерениям, он сбил Бибула с толку, который ничего не подозревал о происходящем, а Цезарь тем временем собрал мощные силы и внес в сенат законы о поддержке бедняков, по которым предлагал распределить между ними землю, причем лучшую землю в Италии, ту, что около[4] Капуи, которая в настоящее время сдавалась в аренду за государственный счет.[5] Он предложил распределить эту землю между главами семейств, у которых было трое детей, и этой мерой он мог заручиться доброй волей большого числа людей, так как число тех, у кого было трое детей, составляло 20 000. Это предложение

встретило противодействие со стороны многих сенаторов, и Цезарь, сделав вид, что сильно раздосадован их несправедливым поведением, вышел из дома и до конца своего консульства больше никогда не созывал сенат, а обращался к народу с трибуны. Он в присутствии собрания спросил мнение Помпея и Красса, оба одобрили, и народ пришел голосовать по ним (законопроектам), спрятав кинжалы. Так как [6] сенат не был созван, ибо один консул не мог созывать сенат без согласия другого консула, сенаторы собирались в доме Бибула, но не могли оказать реального сопротивления власти Сезара. Теперь Сезар добился принятия законов и связал народ клятвой в их неуклонном соблюдении, и он потребовал такой же клятвы от сената. Поскольку многие сенаторы выступили против него, и среди них Катон, Цезарь предложил в качестве наказания за неисполнение клятвы смерть, и собрание утвердило это предложение. После этого все немедленно принесли присягу из страха, и трибуны также принесли ее, так как после ратификации предложения не было больше смысла выступать против".

Этот аграрный закон не затрагивал существующих прав собственности и наследственного владения. Он предназначал для распределения только земли италийского домена, то есть только территорию Капуи, поскольку это было все, что принадлежало государству.[7] Если этого было недостаточно для удовлетворения спроса, другие италийские земли должны были быть куплены за счет доходов от восточных провинций по налогооблагаемой стоимости, указанной в цензурных списках. Считается, что число людей, поселившихся на *Campanus ager*[8], составило 20 000 граждан, имевших по трое и более детей. Земля распределялась не по жребию, а по желанию уполномоченных, каждый из которых получал около 30 джугеров.[9] Если в Кампании поселились 20 000 глав семейств с женами и тремя детьми в каждой семье, то общее число поселенцев составило бы 100 000 человек. Такое огромное число вряд ли могло покинуть Рим за один раз, и мы видим, что даже в 51 г. земля была выделена не вся.[10] Хотя из смысла закона не следует, что он предполагал вознаграждать военную службу земельными пожалованиями, мы можем быть уверены, что ветераны Помпея не были забыты.[11] Не сохранилось ни одного документа, рассказывающего о заселении кампанских земель, в котором хоть что-то говорилось бы о поселившихся там солдатах, если только речь не идет о Цицероне. Он говорит о том, что кампанские земли были изъяты из разряда тех, что приносили доход государству, чтобы их можно было отдать солдатам,[12] и, похоже, он имеет в виду это время (59 г.). Моммзен говорит, что "старые солдаты, а также временные арендаторы, которые должны были быть изгнаны, были просто рекомендованы для особого рассмотрения распределителями земель"[13], которые представляли собой комиссию из двадцати человек, назначенных государством. Сезар, по его собственной просьбе, был освобожден от службы, но Помпей и Красс были главными из них, что дает достаточные основания полагать, что солдаты были обеспечены. Принятие этого законопроекта по существу означало восстановление демократической колонии, основанной Марием и Цинной, а затем упраздненной Суллой.[14] Теперь Капуя стала римской колонией, не имевшей муниципальной конституции в течение ста пятидесяти двух лет, когда город со всеми его окрестностями был превращен в префектуру, управляемую префектом Рима. Доходы от этого района, несомненно, были больше не нужны, так как доходы от Понта и Сирии[15] обеспечивали все потребности правительства, но трудно понять, какую выгоду можно извлечь из изгнания бережливых фермеров, которые, будучи арендаторами государства, обрабатывали эту территорию и регулярно платили арендную плату в государственную казну. Везде, где появлялись новые поселенцы, старые земледельцы были изгнаны. Ни один древний писатель ничего не говорит о состоянии этих людей. Цицерон в своей второй речи по поводу земельного законопроекта Рулла, говоря о последствиях, которые последуют за его принятием, заявил, что если кампанские земледельцы будут изгнаны, им некуда будет идти, и он действительно

говорит, что такая мера была бы не поселением плебеев на земле, а изгнанием и вытеснением их с нее[16].

Стоит ли посылать стаю из 100 000 праздных нищих[17], которые в течение двух поколений питались за государственный счет из кукурузных баков Рима, только для того, чтобы такое же количество честных крестьян, которые не только сами себя обеспечивали, но и выплачивали значительную часть римского дохода, было вынуждено пожертвовать своими товарами на перенасыщенном рынке и стать развратными и праздными?

- [Сноска 1: Livy, *Epit.*, 103].
- [Сноска 2: Momm., IV, 244.]
- [Сноска 3: App., *Bell. Civ.*, II, с. 10].
- [Сноска 4: Сравни Dio Cassius, Bk., XXXVIII, с. 1: "Τὴν δὲ χωρὰν τὴν δὲ κοινὴν ἀπασαν πλὴν τῆς Καμπανίδος ἐνεμε ταυτὴν γὰρ ἐν τῷ δημοσίῳ ἐξαιρετὸν διὰ τὴν ἀρετὴν συνεβούλευσεν εἶναι."
(Сравните Dio Cassius, Bk., XXXVIII, с. 1: "Taen de chorā taen de koinaen hapasan plaen taes Kampanidos eneme, tautaen gar en to daemosio ezaireton dia taen aretaen synebouleusen einai.)"].
- [Footnote 5: Compare Suetonius' *Cæsar*, с. 20: "Campum Stellatē, majoribus consecratum, agrumque Campanum, ad subsidia reipublicae (sic) vectigalem relictum."]
- [Сноска 6: App., II, с. 11].
- [Сноска 7: App., II, с. 20, и Suetonius, *Julius Caesar*, с. 20].
- [Сноска 8: Suetonius, *loc. cit.*]
- [Сноска 9: Lange, *Röm. Alter.*, III, 273].
- [Сноска 10: Cicero, *ad Att.*, VIII, 4].
- [Сноска 11: Dion Cassius, 45, с. 12; Cicero, *ad Att.*, X, 8].
- [Сноска 12: Цицерон, *Фил.*, II, 39: "agrum Campanum, qui cum de vectigalibus eximebatur, ut militibus daretur." Marquardt u. Momm., *Röm. Alter.*, IV, 114].
- [Сноска 13: Momm., IV. 244].
- [Сноска 14: Momm., III, 392, 428.]
- [Сноска 15: Momm., III, 392, 428.]
- [Сноска 16: Cicero, *Rul.*, II, с. 31].
- [Сноска 17: Цицерон, *Фил.*, II, 17.]

СЕК. 18. - РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ ЦЕЗАРЕМ И ПОМПЕЕМ.

После того как Помпей был побежден при Фарсалии, а республиканцы - в Африке, Цезарь приступил к раздаче земель своим солдатам в соответствии со своим обещанием наделить их землей, "не отбирая ее у собственников, как это делал Сулла; не смешивая колонистов с гражданами, лишенными своего имущества и тем самым порождая вечные распри, - но разделяя общественные земли и свою частную собственность,[1] а если этого было недостаточно, то покупая то, что было необходимо". Аппиан говорит, что Цезарю не удалось выполнить эти обещания в полном объеме, но в некоторых случаях ветераны были поселены на землях, законно принадлежащих другим.[2] Однако его солдаты не ютились вместе, как солдаты Суллы, в собственных военных колониях, а, поселившись в Италии, были рассеяны[3] по всему полуострову, чтобы легче было подчиняться законам.[4] В Кампании, где в распоряжении Цезаря были земли, солдат селили в колониях, а значит, близко друг к другу. Согласно письму Цицерона к Паэту, среди розданных земель были Вейи и Капена. Историки подсчитали, что по этой раздаче земли в Италии получили 100 000 солдат.

- [Сноска 1: App., 94].
- [Сноска 2: App., II, 120.]
- [Сноска 3: Лонг; Момм].
- [Сноска 4: Suetonius, *Julius Cæsar*, 38.]

SEC. 19. - РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ ДО ВРЕМЕНИ АВГУСТА.

Смерть Цезаря ни в коем случае не остановила распределение земель, а скорее сделала небезопасным любое владение землей в Италии. Через несколько недель после его смерти были обнародованы два новых закона: один - трибуном Луцием Антонием[1], *lex agraria*, а другой - *lex de colonis in agros deducendis* - консулом Марком Антонием. Первый был принят 5 июня[2] и предписывал разделить между ветеранами и гражданами все *государственные* земли, находившиеся в распоряжении государства, включая Помптинские болота, которые Цезарь в свое время планировал осушить, но не сделал этого. Он был отменен *сенатским консилиумом* от 4 января 43 года[3], но, тем не менее, почти сразу же был приведен в исполнение с большой неумолимостью по отношению к врагам[4] Антония. Второй, *Lex Antonia*, погиб в апреле 44 г., в результате чего была основана колония близ Casilinum,[5] которую уже колонизировал Цезарь; оставшиеся земли домена, *ager Campanus* и *ager Leontinus*, были превращены в награду для сторонников Антония.[6] Это также было отменено новым законом консула К. Вибия Пансы в феврале 43 г.[7].

Второй триумвират. Когда Антоний, Лепид и Октавий примирились, образовав второй триумвират, договор, санкционировавший это новое положение дел, предусматривал в пользу солдат новое распределение земель, *то есть* новый аграрный закон; Аппиан говорит: "Чтобы увеличить рвение армии, триумвиры обещали солдатам, независимо[8] от других результатов победы и пожалования колоний, 18 итальянских городов, важных по

своему богатству и богатству своих земель. Они были разделены между солдатами вместе с их землями и постройками, как завоеванные города. Среди них были Капуя, Регий, Венусия, Беневентум, Нуцерия и Вибо. Таким образом, самая красивая часть Италии стала добычей солдат".

Об этих заданиях упоминают Дион Кассий, Суетоний и Веллеус Патеркул. После битвы при Филиппах, поражения и смерти Брута и Кассия 170 000 человек были обеспечены, согласно этим обещаниям, за счет имущества проскрибированных и конфискованных в пользу государства земель. Земли городов, упомянутых Аппианом, были изъяты в форме принудительной продажи, но деньги за покупку так и не были выплачены из-за разорительного состояния казны.

Если мы проанализируем характер этих аграрных законов после смерти Юлия Цезаря, то обнаружим, что они во всех отношениях отличаются от предыдущих постановлений:

1. Они выполнялись за счет не только государственных владений, но и частной собственности.
2. Они были делом рук одного человека, а не всего народа.
3. Имя народа никогда не упоминалось в этих законах; они были приняты исключительно ради выгоды солдат. До распределения, произведенного триумвиратом, общественные земли были поглощены, или, по крайней мере, оставшиеся фрагменты никак не могли возместить службу ветеранов.

После установления империи государственные земли превратились в обширное поместье, владыкой которого стал сам император.

- [Сноска 1: L. Langii, *Commentationis de Legibus Antoniis a Cicerone Phil.*, V, 4, 10; *Commemoratis particula prior et posterior*; Lipsiae, 1882; Lange, *Röm. Alter.*, III, 499, 503, 526; Marquardt u. Momm., *Röm. Alter.*, IV, 116].
- [Сноска 2: Lange, *Comm.*, II, 14.]
- [Сноска 3: Цицерон, *Фил.*, VI, 5, 14; XI, 6, 13].
- [Сноска 4: *Phil.*, V, 7, 20].
- [Сноска 5: Langii, *Comm.*, II, 14.]
- [Сноска 6: Цик., *Фил.*, II, 17, 43; II, 39, 101; III, 9, 22; VIII, 8, 26; Dio Cass., 45, 30; 46, S.]
- [Сноска 7: Cic., *Phil.*, V, 4, 10; V, 19, 53; X, 8, 17; VIII, 15, 31].
- [Сноска 8: Δοσεις των Ιταλικων πολεων οκτωκαιδεκα ... ωσπερ αυτοις αντι της πολεμιας δорιλημптоι γενομεναι Ουτω μεν τα καλλιστα της Ιταλιας τω στρατω διεγρεφον.
("Dosesi ton Italikon poleon oktokaideka ... osper autois anti taes polemias dorilaepatoi genomenai.... Outo men ta kallista taes Italias to strato diegrephon.") App., IV, 3.]

ПРИЛОЖЕНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Изображения оригинальных греческих цитат с ударением

- Раздел 3 ., Сноска 17: Αριστοτέλης, Πολιτ.,
Ζ. Κεφ. θ. 7: Αναγκαῖον τοῖνυν εἰς δυο μέρη διηρῆσθαι τὴν
χώραν καὶ τὴν μὲν εἶναι κοινὴν, τὴν δὲ τῶν ἰδιωτῶν.
- Раздел 4 ., Сноска 5,
Φύλακας τῶν πεπολεμηκότων.
- Сек. 5 ., Сноска 1,
“Οἱ δὲ παρὰ τούτων τὴν ὑπατείαν παραλαβόντης πόπλιος
Οὐεργίνιος καὶ Σπόριος Κάσσιος, τὸ τρίτον τότε ἀποδειχθεὶς ὕποτος, κ. τ. λ.”
- Sec. 5 ., Footnote 9,
“ἐκκλησιαί τε συνεγεῖς ὑπὸ τῶν τότε δημάρχων
ἐγίνοντο καὶ ἀπαιτήσεις τῆς ὑποσχέσεως.”
- Sec., 6 ., Footnote 9,
“τοὺς κατέγοντος τὴν χώραν τὴν δημοσίαν.” . . .
“Καὶ Σικίλιος οὐδενὸς ἔτι κύριος ἦν.”
- Раздел 6 ., Сноска 19,
ἐμπεριεχόμενος τῇ πόλει,
- Раздел 7 ., Сноска 26,
“τὴν γῆν ἐς τοὺς οἰκείους ἐπὶ ὑποκρίσει διένεμον.”
- Раздел 11 ., Сноска 2,
“καὶ παισὶ, οἷς εἰσὶ παῖδες ἐκάστῳ καὶ τούτων τὰ ἡμίσεα.”

- Раздел 11 ., Сноска 6,

“Τιβέριος Γράκχος . . . δημαρχῶν ἐσεμναλόγησε περὶ τοῦ Ἰταλικοῦ γένους ὥς εὐπολεμωτάτου τε καὶ συγγενοῦς, φθειρομένου δὲ κατ’ ὀλίγον ἐς ἀπορίαν καὶ ολιγανδρίαν. Γράκχος δὲ μεγαλαυχούμενος ἐπὶ τῷ νόμῳ . . . οἷα δὴ κτίστῃς οὐ μιᾶς πόλεως οὐδ’ ἐνὸς γένους ἀλλὰ πάντων ὅσα ἐν Ἰταλίᾳ ἔθνη, ἐς τὴν οἰκίαν παρεπέμπετο.”

Ἰταλικοῦ γένους and Ἰταλῖα ἔθνη.

- Раздел 13 ,
(δήμῳ)

- Раздел 17 ., Сноска 4,

“Τὴν δὲ χώραν τὴν δὲ κοινὴν ἅπασαν πλην τῆς Καμπανίδος ἔνεμε, ταύτην γὰρ ἐν τῇ δημοσίᾳ ἐξαιρέτον διὰ τὴν ἀρέτην συνεβούλευσεν εἶναι.”

- Раздел 19 ., Сноска 8,

“Δόσεσι τῶν Ἰταλικῶν πόλεων ὀκτωκαίδεκα . . . ὥσπερ αὐτοῖς ἀντὶ τῆς πολεμίας δορίληπται γενόμεναι. . . . Οὕτω μὲν τὰ κάλλιστα τῆς Ἰταλίας τῷ στρατῷ διέγρεφον.”